

Анджела Нанетти

Мой
дедушка
был
вишней

Annotation

Старик Оттавиано посадил вишневое дерево, которое стало лучшим другом его внуку. И так появилась на свет история о необычном дедушке, который умел слушать растения и верил, что «человек не умирает, пока вишневые деревья продолжают жить для него».

Книга «Мой дедушка был вишней» вошла в список выдающихся книг для детей «Белые вороны», составляемый Международной мюнхенской юношеской библиотекой. Она отмечена премиями в Италии, Германии и Франции, а автор ее, Анджела Нанетти, была номинирована на главную премию в детской литературе — премию Х. К. Андерсена.

Анджела Нанетти (род. 1942) — итальянская писательница, автор более 20 книг для детей и подростков. Повесть «Мой дедушка был вишней» переведена на многие языки и получила более десяти престижных литературных наград. Тексты Нанетти стилистически выдержанны и прозрачны, а ее истории увлекательны и полны неожиданных событий. В книгах Нанетти дети мечтают, мамы много волнуются, но все понимают, а дедушки лазают по деревьям и приносят счастье.

-
- [Анджела Нанетти](#)
 -
 - [Первая глава](#)
 - [Бабушка Теодолинда](#)
 - [Огород](#)
 - [Заноза в сердце](#)
 - [Карнавал](#)
 - [Бесцветный дом](#)
 - [Фотографии](#)
 - [Вишня](#)
-

Анджела Нанетти
Мой дедушка был вишней

Первая глава

Первая глава

Когда мне исполнилось четыре, у меня было два дедушки и две бабушки. Одни жили в деревне, а другие — в городе. Городских дедушку и бабушку звали Луиджи и Антониэтта, и они были такие же, как все городские жители. Деревенских дедушку и бабушку звали Оттавиано и Теодолинда, и они не были похожи ни на кого — даже на своих соседей. Луиджи и Антониэтта жили в нашем доме, и мы виделись как минимум четыре раза в день. Сначала в восемь утра, когда дедушка выгуливал Флоппи:

— Ну-с, юноша, какие планы на сегодня? Идем в сад или нет?

В девять, когда бабушка шла с Флоппи за покупками:

— Ты собрался в садик, мой зяблик?

В два, когда дедушка шел гулять с Флоппи второй раз:

— О, ты уже вернулся из сада! Вот молодчина!

И в пять, когда бабушка шла с Флоппи за покупками или к подругам:

— Что нового в садике, мой зяблик?

Тогда я ходил в старшую группу детского сада. Я ненавидел его всей душой с того самого дня, когда мама однажды вышла на работу и отдала меня в сад. С тех пор каждое утро повторялось одно и то же: я плакал, дедушка стучал в дверь, бабушка выходила из квартиры, и они вместе шли гулять с Флоппи. Глядя на них, мама частенько фыркала: «Собаку они любят больше, чем внука». Эти слова меня так волновали, что я даже переставал плакать. Флоппи была ужасно уродлива — живот, круглый, как мяч, и тонюсенькие лапы. Неужели я еще страшнее?

Деревенские бабушка и дедушка — совсем другие люди. Вместо собаки они держали кур и гусей, с которыми вовсе не надо было гулять по четыре раза в день. И жили они не этажом выше, а в сорока километрах от города. Поэтому виделись мы примерно два раза в месяц.

Иногда мама вздыхала: «Они словно привидения». И я представлял себе, как длиннющий дедушка Оттавиано и толстая-претолстая бабушка Теодолинда, набросив на себя белые простыни, бродят по двору среди кур и гусей.

Бабушка Теодолинда и дедушка Оттавиано — мамины родители. Как и мама, они всегда были мне ближе других бабушки и дедушки. Мама — их единственная дочка. Бабушка Теодолинда была очень крупной женщиной, но дети у нее получались крохотные. Настолько крохотные, что не могли прожить больше одного дня. К счастью, маме повезло — наверное, в тот раз бабушка действительно постаралась. Она говорит, это чтобы у нее родился такой внук, как я. Когда мама родилась, дедушка устроил большой праздник и даже напился (по крайней мере, так рассказывала бабушка). А потом пошел в сад и посадил там вишню.

Теперь о дедушке. Я думаю, он всегда был не таким, как все, — даже когда меня еще не было на свете. Бабушка рассказывала, что он считался самым красивым мужчиной в деревне и нужно было как следует попотеть,

чтобы заполучить его. Но, наверное, она преувеличивала, потому что очень его любила. Я не помню дедушку красавцем: он был высокий и прямой, с развевающимися волосами (теми, что остались) и вечной травинкой в зубах. Дедушка выдергивал травинку двумя пальцами и жевал, приговаривая: «Получше сигары будет».

Итак, когда родилась мама, дедушка пошел в деревню. Вернулся он с парой золотых сережек для бабушки и молодым саженцем — вишней. Дедушка пошел в сад, выкопал яму, залил ее горячим навозом и посадил дерево. Потом взял ножик, накалил лезвие и вырезал на стволе имя: Феличита. Так зовут мою маму, и дедушка считал, что вишню нужно назвать так же. Но бабушка была против. Это имя не для вишни, говорила она. И тогда дедушка придумал ей имя Феличе. Ведь Феличита означает счастье, а Феличе — счастливый. К тому времени у Феличе было три ветви, а весной, когда маме исполнилось семь месяцев и у нее вылезли четыре зуба, на дереве распустились четыре цветка. Мама и вишня росли вместе и были членами одной семьи. Об этом свидетельствует наш альбом с фотографиями.

На первой странице — семимесячная мама. Знаменитые четыре зуба уже вылезли. Правда, на фотографии их не видно. Мама висит на руках у бабушки, как тряпичная кукла. Глядя на эту фотографию, я всегда думаю о том, что бабушка Теодолинда уж точно победила бы в тяжелом весе. Тогда она была молодая и еще не такая толстая, как в старости, но уже в то время ее руки были в два раза толще, чем у бабушки Антониэтты. И еще у нее была гигантская грудь. Когда она обнимала меня и прижимала к себе, казалось, будто это пуховые подушки. На них я готов был спать всю жизнь.

Это самое прекрасное, что я помню о бабушке. Ну и еще ее запах. Он не имел ничего общего с противными духами бабушки Антониэтты и напоминал запах мамы после ванны. Бабушка говорила, так пахнет мыло, которое она сама делала по тайному рецепту. Он достался ей от колдуньи. Я до сих пор в это верю: бабушка была совершенно необыкновенной женщиной и мне кажется, с ней могло произойти все что угодно.

На этой первой фотографии бабушка стоит рядом с Феличе: вишня примерно ростом с нее и кажется деревом-ребенком. Дедушка говорил, что моменту посадки Феличе было три года. На другой фотографии мама сидит на качелях, свисающих с самой толстой ветки. К тому времени у Феличе уже было много ветвей, и дедушка их постриг — поэтому кажется будто вишня вся дрожит от холода. Но, когда я высказал свои соображения дедушке, он возразил: «Ничего подобного, растениям это очень полезно — так они становятся крепче». И действительно, на фотографии с седьмого дня рожденья моей мамы Феличе — уже настоящее дерево, на котором мама может сидеть верхом, болтая ногами в воздухе.

Мама сто раз рассказывала мне о своем любимом развлечении: она забиралась на дерево и придумывала там наверху тысячи разных игр. Я всегда слушал с завистью: каждый раз, когда мы приезжали к бабушке и дедушке, времени вечно не хватало, Феличе была слишком высокой, а я — слишком маленьким для того, чтобы залезть на вишню без присмотра. Если дедушка не был занят в огороде или с курами, он сажал меня на шею и с невероятной ловкостью, как обезьяна со своим детенышем, карабкался на вишню. Однажды мама вышла из дома и увидела нас — она закрыла рот рукой, чтобы не закричать, но потом так ничего и не сказала. Мама знала,

что с дедушкой спорить бесполезно. Тогда бабушка еще чувствовала себя хорошо. Потом она заболела, и дедушка стал уже не тот, что раньше. Мама всегда повторяла это, когда мы возвращались домой. Она очень громко говорила сама с собой; говорила, что нельзя оставлять их там вдвоем, что дедушка упрямец и что он не может делать все сам... Под конец она начинала ругать других бабушку и дедушку и Флоппи.

Альбом с фотографиями заканчивался маминей свадьбой. Особенно мне нравились две фотографии. На одной — мама и папа под цветущей вишней. Мама сидит на своих качелях, а папа делает вид, что толкает ее. На другой — дедушка Оттавиано и бабушка Теодолинда. Они держатся за руки. Мама рассказывала мне, что дедушка хотел устроить в день свадьбы огромный праздник в саду, но папины родители были против из-за мух и других насекомых. Поэтому они просто сфотографировались и поехали в ресторан. Там дедушке Оттавиано пришлось есть устрицы, которые он терпеть не мог, и на следующий день ему было плохо.

На свадебных фотографиях мама и папа очень красивые, а дедушка Оттавиано и бабушка Теодолинда почти неузнаваемые. На дедушке галстук и темный костюм со дня его собственной свадьбы. А бабушкино платье на этой фотографии сильно топорщится, и поэтому она кажется еще толще. На груди у бабушки — искусственные цветы. Бабушка смеется, и лицо у нее как у девочки.

Этого альбома больше нет, дедушка его уничтожил, но я помню все фотографии, одну за другой.

Бабушка Теодолинда

Бабушка
Теодолинда

Не знаю, когда бабушка Теодолинда начала себя плохо чувствовать, но зато точно помню тот день, когда это заметил. Был май, мне исполнилось пять лет. День рожденья мы отмечали дома с дедушкой Луиджи, бабушкой Антониэттой, парой друзей и Флоппи. Осталась фотография, на которой она вместе со всеми ест мороженое. Дедушка Оттавиано говорил, что Флоппи уже не относится к собачьему роду. Но и до людей ей было далеко: как минимум потому, что она не умела говорить. В общем, Флоппи лишь наполовину была собакой, и все это из-за дедушки с бабушкой. Они обращались с ней как с ребенком, причем довольно глупым ребенком.

На фотографии есть все мы — кроме бабушки Теодолинды и дедушки Оттавиано. Обычно они ли в город очень редко, но на моем дне рождения бабушка и дедушка бывали всегда. В тот раз они не приехали, потому что бабушке Теодолинде «нездоровилось» — так сказала мама.

В то время я думал, что «нездоровится» — это когда болит живот или кашляешь, со мной такое случалось два или три раза в год. На следующей неделе мы поехали в деревню. Я очень внимательно следил за бабушкой Теодолиндой, но так и не обнаружил в ней признаков этих болезней. Только заметил, что бабушка, когда ходит по двору за гусями и курами, частенько останавливается, прикладывает руку к груди и тяжело дышит.

— Тебе больно? — спросил я у нее.

Она улыбнулась и села в плетеное кресло.

— Немного.

Так я узнал, что у бабушки Теодолинды большое сердце. Но, если бы она не сидела все время в этом кресле, никто бы ни за что не подумал, что ей нехорошо: бабушка совсем не менялась и не изменилась до самого конца.

Главной бабушкиной страстью был курятник. Она заботилась о курах, как о родных детях, знала всех наперечет и звала по имени, хвалила и ругала. А они ходили за ней по пятам и всегда ее слушались. Дедушка говорил, это потому что она сама высиживает яйца.

Однажды он начал обсуждать это за столом при бабушке Антониэтте.

— Наша Линда, — сказал дедушка, — в сто раз лучше инкубатора! Берет два или три десятка яиц, кладет их в постель и высиживает, высиживает... Неделя у нее под боком, и чпок-чпок — вылупляются цыплята. Что за чудо! Инкубатор по сравнению с ней ничто. После этого им не нужна квочка — они выются только вокруг моей Линды!

Бабушка Антониэтта смотрела на него выпучив глаза, а дедушка Луиджи напряженно искал что-то у себя в тарелке. Я уверен, про себя он думал: «Что за люди!» — однажды я слышал, как дедушка это говорит, хотя он считал, что его никто не слышит.

— Папа! — воскликнула мама очень серьезно.

Дедушка выпил и был очень весел. Но еще больше веселилась бабушка Теодолinda, которая, пока дедушка рассказывал, вся сотрясалась от хохота.

В конце концов другие бабушка с дедушкой поняли, что это шутка, и тоже начали смеяться.

Но еще больше, чем кур, бабушка любила гусей. Не знаю, почему. Она говорила, гуси куда умнее людей, но я думаю, все из-за того, что они были

очень на нее похожи. Бабушкину любимицу звали Альфонсина. Я садился на нее верхом и катался по двору — такая она была большая и толстая.

Мне она тоже очень нравилась. Альфонсина бежала нас встречать, как только мы приезжали, и потом ходила за мной повсюду. И я мог сказать ей все что угодно — она меня понимала! Альфонсина — настоящее сокровище, не то что Флоппи. Еще она высиживала огромные яйца, а когда вылуплялись гусята, разрешала мне их трогать — в отличие от других гусынь которые при малейшем приближении налетали на меня!

Это единственная обительница курятника, с которой бабушка никогда не расставалась. Потому что, несмотря на всю свою любовь к курам и гусям, если нужно было продать какую-нибудь птицу или свернуть ей шею, бабушка не медлила ни секунды.

— Это закон природы, — вздыхала она, и — хрясь! — дело было сделано. Я зачарованно и в то же время с ужасом наблюдал за этой бойней, все больше убеждаясь в том, что в бабушке есть какая-то тайна и она умеет гипнотизировать кур. Действительно, они умирали так быстро и безболезненно, что казалось, будто это фокус. Пятнадцать минут — и куры, пять-десять штук, уже висят вниз головой и смотрят на меня полуоткрытыми глазами — и я никогда не понимал, прикидываются они или по-настоящему умерли. Потом приходил дедушка, клал кур в корзину и ставил ее в грузовичок вместе с овощами и яйцами. Бабушка отряхивала

фартук, ополаскивала руки, возвращалась в курятник, сыпала корм и укладывала спать цыплят.

— Цып-цып-цып, иди сюда, красавица, иди-ка сюда...

Пи-пи-пи...

Это случалось раз в неделю.

Даже во время болезни бабушка по-прежнему занималась курятником. Она то и дело останавливалась, прикладывала руку к груди или садилась, а потом вновь принималась за работу.

В каждый наш приезд мама ругала ее. Бабушка пожимала плечами и говорила: «Все в порядке. Оставь меня в покое». Мама тогда сердилась еще больше, порой доходило до ссоры, и бабушке становилось по-настоящему плохо.

Однажды дедушка услышал это и вышел из себя. Первый раз я видел его таким сердитым.

— Ты ничего не понимаешь! — закричал он. — Оставь свою мать в покое!

Мама очень обиделась и по дороге домой говорила гораздо громче, чем обычно, и еще больше ругала бабушку, дедушку и Флоппи. Тогда я разозлился на дедушку и, чтобы ее утешить, сказал: «Не волнуйся, мам. Я же тебя люблю». Но, вместо того чтобы обрадоваться, мама расплакалась. Слезы лились в три ручья, и мы чуть не врезались в стену. В общем, из-за всего этого я тоже начал плакать. Тогда мама остановила машину, шмыгнула носом, обняла меня и сказала:

— Спасибо, милый, ты сказал замечательные слова. Но на самом деле дедушка прав.

Она опять начала плакать, и я совсем запутался.

С тех пор как бабушка заболела, мы стали ездить в деревню раз в неделю, обычно по субботам, и оставались там на целый день. Я был очень счастлив и надеялся, что бабушка не выздоровеет никогда. Папа приезжал редко, потому что ему надо было работать, и они с мамой все время ссорились. Одним словом, то еще было времечко.

А вот дедушка с бабушкой, наоборот, стали еще больше любить друг друга. Теперь дедушка часто прерывал работу в саду и приходил в курятник или в дом.

— Линда, тебе что-нибудь нужно? — спрашивал он.

— Ничего мне не нужно, что тебе взбрело в голову! Иди лучше посмотри, собрали они там салат или нет, — отвечала бабушка.

Видя, как она сидит во дворе в своем кресле, он останавливался и молча стоял рядом, пока бабушка не говорила раздраженно:

— Что, человек не может иногда уставать?

Дедушка кивал, но все равно был очень грустный.

— Пойди принеси мне, пожалуйста, стакан воды, — просила его бабушка, и иногда казалось, будто ей не хватает воздуха.

Со временем бабушка все чаще и чаще сидела в том кресле, а дедушка все больше занимался курами и гусями. Она давала ему инструкции и контролировала каждый его шаг. Однажды дедушка стал делать все по-настоящему здорово, и бабушка сказала: теперь это ты высиживаешь яйца. Но он так и не научился сворачивать курам шею. Когда приходило время, он связывал им ноги, засовывал в корзину и вез в деревню к мяснику.

— Бедные твари! — вздыхала бабушка Теодолинда. — Как жаль, что у меня больше нет сил.

Она ужасно мрачнела, и я вместе с ней: ведь, судя по ее словам, мясник делал с курами нечто ужасное. К тому времени дедушка уже не успевал лазить со мной на вишню, зато я научился сам забираться на мамины качели и раскачиваться. Поэтому, когда он возился в огороде, я был рядом. Через некоторое время он говорил:

— Пойди к бабушке, не оставляй ее одну.

Завидев меня, бабушка улыбалась, а когда я подходил, обнимала изо всех сил — мне даже казалось, что я могу задохнуться.

Потом наступила зима, и стало очень холодно. Я несколько раз болел и не ездил к бабушке с дедушкой. Когда мы наконец приехали, я увидел, что бабушка лежит в кровати. С тех пор она уже не вставала.

В марте у Альфонсины вылупились очень красивые гусята, и бабушка

захотела на них посмотреть. Гусята ее очень обрадовали, и дедушка стал ненадолго приносить их бабушке, оставляя около кровати. Бабушка брала их по очереди и медленно поглаживала, а потом клала обратно в корзину. Иногда она, казалось, засыпала, прижав к груди гусенка. Так они оба дремали в духоте комнаты, а Альфонсина на них смотрела. Она совсем не ревновала.

Это мое последнее воспоминание о бабушке Теодолинде. Однажды, вернувшись из сада, я не обнаружил ни папы, ни мамы. Дома были только дедушка Луиджи и бабушка Антониэтта. С очень серьезными лицами они сообщили мне, что бабушка Теодолинда уехала в далекое путешествие и что я ее больше не увижу.

— Как это уехала?! — закричал я. — А почему она мне ничего не сказала, почему не попрощалась со мной?! И что же теперь будет с Альфонсиной?

У меня было такое чувство, будто меня предали. От этого и от обиды на бабушку я заплакал. Тогда бабушка Антониэтта взяла меня на руки и стала говорить о путешествии бабушки на небо, куда я не могу попасть вместе с ней.

— На самолете? — сразу же спросил я. Потому что однажды мы с мамой и папой летали на самолете, и мне очень понравилось.

— Нет, не на самолете. Бабушка Теодолинда умерла.

Так я узнал, что умереть значит совершить длинное путешествие на небо без самолета и что там нет места ни для гусей, ни для детей.

В день похорон все еще больше запуталось. Кто-то сказал, что в деревянном ящике, украшенном цветами, лежит бабушка Теодолинда и что ее везут на кладбище. Но если она там, внутри, значит, она никак не может быть на небе и кто-то мне солгал. Я завопил:

— Я вам не верю! Вы все врете! Я хочу увидеть бабушку! — так громко, что все испугались — и никто не мог меня успокоить.

Потом ко мне подошел дедушка Оттавиано и сказал:

— Бабушку Линду нельзя увидеть, но, знаешь, она не совсем ушла. Она сказала мне, что оставляет вместо себя Альфонсину, и велела очень о ней заботиться — как мы заботились бы о ней самой.

Я посмотрел на дедушку, и мне стало намного лучше.

— Она действительно так сказала?

Дедушка кивнул. Он был очень элегантен в своем темном свадебном костюме и красиво причесан, но очень сутулился и казался сильно постаревшим.

— Да, и еще она просила попрощаться с тобой и поцеловать тебя.

— А когда она вернется?

Дедушка пожал плечами и пошел прочь. Когда он вернулся, на руках у него была Альфонсина. Вместе с ней он шел за гробом до самого кладбища.

Все смотрели на него, но дедушка ни на кого не смотрел. Он держал меня за руку, все время наклонялся к Альфонсине и шептал ей что-то, а она кивала головой, будто с ним соглашаясь.

Я уверен, что в этот момент дедушка говорил с бабушкой Теодолиндой.

Она сказала,
что оставит
вместо себя
Амфонию.

Огород

После смерти бабушки дедушка Оттавиано по-прежнему жил в своем доме и работал в саду. Но курами он больше не занимался: однажды взял их, положил в корзины и отвез в деревню — тому самому мяснику. Остались только Альфонсина и гусята, которые к тому времени уже выросли. Мы приезжали к нему раз в неделю. Почти всегда дедушка был во дворе, в доме или в огороде в окружении Альфонсины и ее выводка. Стоило ее позвать, гусыня бежала мне навстречу, но только дедушка уходил, как она разворачивалась и неслась вслед за ним, шумно хлопая крыльями. Ее дети тоже спешили вдогонку. В общем, если я хотел быть с ними, мне нужно было становиться в строй и гуськом идти в огород.

У дедушки был очень большой огород. Потому что по профессии он был огородник, как его отец Винченцо и дед Джованни. Огород начинался за домом от ограды курятника и доходил с одной стороны до реки, а с другой — до дороги, которая вела в город. Огород у дедушки был очень красивый, ухоженный и даже скорее напоминал сад. Со стороны реки росли яблони, а в глубине находился маленький виноградник. Вся остальная земля была разделена на ровные грядки; между ними пролегали канавки с водой.

Каждая грядка обрабатывалась по-разному, в зависимости от времени года. В огороде росли морковь, салат, капуста, картошка, лук. Одним словом, все что угодно. С одной стороны дедушка сеял и поливал, с другой — собирал урожай. И так круглый год. Огород никогда не пустовал, но особенно красиво там было весной — яблони цвели, овощи только

всходили, а Феличе вся покрывалась белыми цветами.

Вишня росла между дорогой и двором, поэтому ее было видно отовсюду. Оставшись один, дедушка часами сидел под ней. Раньше он часто лазил на дерево вместе со мной. Потом поставил под вишней бабушкино кресло и, когда не было работы в огороде и хотелось отдохнуть, подолгу сидел там. Рядом устраивались Альфонсина и гусята, дедушка закрывал глаза и замирал.

Однажды я удивил его, спросив:

— Дедушка, ты умер?

Тогда он приоткрыл один глаз, совсем как бабушкины куры, и велел

мне подойти поближе.

— Залезай, — сказал он и подвинулся, чтобы я мог пристроиться рядышком. Я уселся, он обнял меня за плечи и закрыл мне глаза рукой.

— Теперь скажи, что ты видишь, — прошептал он.

Я ответил, что вижу только темноту, а он мне сказал:

— Слушай. Тогда я прислушался и услышал тихий писк, а потом шелест листвы.

— Это гнездо синички. Видишь, как мама приносит еду своим птенцам?

Видеть-то я ничего не видел, но зато слышал хлопанье крыльев и гомон птенцов. С ума сойти, как же они пищали!

— Она их кормит, — пояснил дедушка. — А теперь слушай дальше.

Я услышал сильное жужжание.

— Это пчелы, которые летят в улей. Они насосались нектара и теперь возвращаются домой с набитым брюхом. Видишь их?

Я прислушался еще, и мне показалось, будто я действительно вижу этих несчастных пчел; и пузо у них такое толстое, что они с трудом летают.

Тогда дедушка убрал руку с моих глаз и спросил:

— Ты понял? Если слушаешь внимательно, то можешь увидеть столько вещей, как будто твои глаза открыты. А теперь слушай, как дышит вишня.

Я снова закрыл глаза, почувствовал легкое дуновение, которое касалось моего лица, и услышал тихий шелест листвы.

— И правда, дедушка, Феличе дышит, — сказал я. Дедушка погладил меня по голове и еще некоторое время сидел неподвижно. Я посмотрел на него и увидел, что он улыбается. Когда я думаю о дедушке Оттавиано, мне всегда вспоминается тот день, когда он научил меня слушать дыхание деревьев.

В мае, в день моего шестилетия, дедушка Оттавиано приехал к нам. Все знали, как дедушка не любит город, и помнили, что раньше он всегда приезжал к нам с бабушкой Теодолиндой. Мама тогда позвонила ему и сказала: «Папа, тебе необязательно приезжать. Мы ничего особенного не устраиваем — только чай с тортом».

— Так даже лучше, — сказал он. — Без Линды мне не хочется

особенно пировать.

Дедушка приехал к обеду на грузовичке, набитом овощами, фруктами и прочей снедью для нас и других бабушки и дедушки. Дедушка пользовался двумя транспортными средствами: грузовиком и велосипедом. На грузовике он отвозил овощи и кур в деревню и ездил в город. Все остальное время он передвигался на велосипеде. Он ни за что не хотел покупать машину, хотя мама очень на этом настаивала и сердилась. Однажды во время спора мама вспылила: «Подумай о том, какое впечатление ты производишь на моих свекров!»

«О, господа воротят нос?! — язвительно произнес дедушка. — Но что-то я этого не замечаю, когда привожу им свежие овощи и яйца!» Мама вся покраснела. «Выбрось это из головы: я не стану покупать машину, которая мне не нужна. Или вы принимаете меня таким, какой я есть, или не принимаете вообще».

С тех пор мама больше не возвращалась к этой теме, а дедушка продолжал колесить на своем грузовичке, который был его ровесником или, может быть, даже старше.

В общем, на мой день рождения дедушка приехал с двумя корзинами: в одной были овощи, в другой — Альфонсина и гусята.

— Не хотели оставаться дома одни — вот и пришлось взять их, — объяснил он бабушке Антониэтте, которая странно на него посмотрела. И подмигнул мне.

Обед прошел хорошо, Альфонсина вела себя очень воспитанно, и даже бабушка Антониэтта сказала: «Никогда не думала, что гуси такие умные и цивилизованные».

Она так и сказала: «цивилизованные», и дедушка рассмеялся от

удовольствия.

— Эх, если бы только все гусыни были как эта! Между нами говоря, вы меня понимаете, синьора Антониэтта..

— Папа! — воскликнула мама, обеспокоенно взглянув на бабушку.

— Ну что я такого сказал? — сказал он. — Слушай, вообще-то я приехал, чтобы кое-что вам предложить. Это последний свободный год Тонино. Потом он пойдет в школу, и тогда... что будет, то будет! Тут становится жарко, ты помешана на своей любимой работе, о муже твоём я вообще не говорю... Ради бога, не перебивай меня, это все правда, правдивее не бывает. Поскольку твоя мать... но она была женщиной другого времени... В общем, вы все работаете целый день, а ребенок заперт в этой тюрьме...

— Но, папа, что ты такое говоришь! Он с удовольствием ходит в сад!

Я предпочел не смотреть на маму: если бы я так откровенно врал, мне бы пришлось несладко!

— Конечно, но сейчас уже жарко, и учебный год подходит к концу. В общем... — Первый раз в жизни я видел дедушку в замешательстве и не мог понять, в чем причина. Но через несколько секунд все понял. — Почему бы тебе не отправить его ко мне на пару недель?

Дедушка выпалил эту фразу и принялся тщательно вытирать тарелку куском хлеба. Повисла тишина. Дедушка продолжал возить хлебом по тарелке и не поднимал головы.

Наконец мама сказала:

— Но ты же один, тебе нужно заниматься огородом... Дом такой большой, а без мамы... Как ты справишься с ребенком...

Я прекрасно понимал, что мама не очень хочет отправлять меня к дедушке. Во-первых, потому что папа все время проводит на работе, а она ужасно боится спать одна, и с тех пор как я родился, она привыкла класть меня под бок, как грелку. И потом, думаю, она не очень-то доверяла дедушке.

Дедушку все считали сумасшедшим, даже бабушка Теодолинда, которая так его и называла: «Твой дедушка — сумасшедшая башка!» И с каким удовольствием она это говорила! Мама тогда начинала ерзать на стуле, а другие бабушка и дедушка притворялись глухими, немыми и даже немного слепыми. Этим они хотели сказать: «Мы тут ни при чем».

Тогда дедушка Оттавиано наконец поднял взгляд от тарелки, и я увидел, что глаза у него блестят.

— Я никогда тебя ни о чем не просил, — прошептал он.

В тот вечер я уехал вместе с дедушкой. Мы забросили в грузовик мой

чемоданчик, корзинку с Альфонсиной и гусятами и поехали. Тем временем мама, бабушка и дедушка махали нам из окна так усердно, будто мы собирались в Америку.

Пятнадцать дней в результате превратились в месяц. Папа вернулся из своей командировки со сломанной ногой, и мама должна была все время ухаживать за ним. Когда она сообщила мне по телефону о папиной ноге, я завопил: «Ура!», чем ее ужасно возмутил, и она сразу же спросила:

— Дедушка здесь?

— Конечно, я тут, — ответил он. — Не волнуйся, твой сын в надежных руках!

Мама подвергла его тщательному допросу, но в конце концов уgomонилась и оставила нас в покое.

Я провел с дедушкой самое лучшее время в моей жизни.

Первое, что я помню о тех днях, — гоголь-моголь с вином. Каждое утро дедушка готовил мне гоголь-моголь из яйца и сахара. Я лежал в кровати и сквозь сон слышал, как дедушка внизу взбивает гоголь-моголь: ток-ток-ток-ток. Тогда я понемногу просыпался и, поджидая дедушку, смотрел, как солнце проникает сквозь щели в ставнях и чертит в воздухе золотые линии. Я слышал, как Альфонсина выгуливает во дворе своих гусей и как дедушка продолжает взбивать гоголь-моголь: ток-ток-ток.

Для того чтобы он стал похож на взбитые сливки, требовалось взбивать полчаса. Вроде бы ничего особенного, но это был самый вкусный завтрак на земле — еще и потому, что дедушка добавлял немного красного вина и гоголь-моголь становился похож на ликер. В общем, гораздо вкуснее фруктового пирога бабушки Антониэтты и всех маминых шоколадных пудингов.

Когда я рассказал маме, как дедушка делает гоголь-моголь, она воскликнула: «Невероятно!» Причем целых три раза. Ровно три раза. Я подумал, мама хочет сказать, что гоголь-моголь не может быть лучше ее шоколадных пудингов, и попытался утешить ее: «Если подумать, пудинги тоже вкусные, почти как дедушкин гоголь-моголь». Но она опять повторила:

— Это невероятно! Давать вино шестилетнему ребенку! — Тогда я наконец понял, что дело в красном вине, которое дедушка добавлял в гоголь-моголь.

— Но дедушка говорит, что ты в детстве тоже его пила — иначе бы не выросла и на всю жизнь осталась коротышкой.

— Это я-то коротышка! — процедила мама ужасно раздраженно. Но о вине и гоголе-моголе больше разговоров не было.

Чтобы делать гоголь-моголь, мы с дедушкой каждый вечер ездили за яйцами к крестьянину по имени Эмилио. Жил он в двух километрах от нас и держал хлев с пятью или шестью коровами. Эмилио обращался с ними просто по-королевски. Но курятника у него не было. Поэтому куры несли яйца повсюду: на сеновале, под изгородью, даже в коровнике, и дедушка каждый раз говорил:

— Не понимаю, почему ты не построишь хороший курятник! Видела

бы это моя Линда, она бы тебе рассказала, как все делается.

На это Эмилио неизменно отвечал:

— Именно поэтому я не женюсь.

Но, несмотря на отсутствие жены и курятника, Эмилио всегда знал, где найти яйца. Невероятно, но куры будто сами ему об этом докладывали.

Стоило нам приехать, он говорил:

— Сегодня снесли пять яиц.

Или:

— Всего три яйца. — И — чпок! — тут же находил их.

Однажды он нашел яйца в башмаках.

— Это нехорошо, — сказал дедушка. — Ты должен приучать своих кур к дисциплине. Линда бы такого не допустила.

Но во всем остальном Эмилио был человек очень симпатичный.

В первый день дедушка хотел взять только одно яйцо: он говорил, что гоголь-моголь должен быть очень свежий и даже пахнуть курицей. Дедушка положил яйцо себе за пазуху, посадил меня на раму велосипеда, и мы поехали.

— Но почему оно должно лежать именно там? — спросил Эмилио.

— А куда еще, по-твоему, мне его класть? — ответил дедушка. Действительно, любую покупку он всегда хранил за пазухой. «Треклятая привычка», — говорила бабушка. Ведь дедушка клал туда абсолютно все! Сигары, газеты, хлеб... Однажды дедушка купил на рынке четырех цыплят, положил их за пазуху, и они полностью его обкакали.

Бабушка ворчала, а он говорил: «Сумки — для женщин. Я делаю так всю жизнь, с самого детства, и в восемьдесят лет буду делать так же».

— Если доживешь, упрямая ты башка! — парировала бабушка.

В общем, в тот раз дедушка взял яйцо и положил его в обычное место. Мы проехали километр, и тут вдруг раздался странный звук — уж не знаю, что произошло, может быть, я пошевелил локтем. Мы остановились.

— Дай-ка я гляну, Тонино, — сказал дедушка. Он заглянул под рубашку и торжественно объявил: — У нас получилась яичница!

Действительно, вся рубашка была испачкана желтком; но он ничуть не смутился.

— Ничего страшного, вернемся назад и возьмем еще два яйца. Если одно разобьется, у нас останется второе.

Дедушка очень веселился. Тогда я вспомнил, как однажды у меня упала корзинка с яйцами, а мама, вместо того чтобы засмеяться, отвесила мне пощечину. В чем-то она была совсем не похожа на дедушку!

Когда гоголь-моголь был готов, дедушка поднимался наверх ко мне в комнату и распахивал окно.

— Пришла весна, вставайте, дети! — запевал он. Голос у него был очень красивый, но он пел так громко, что мне приходилось затыкать уши.

— Дедушка, хватит!

— Давай, а то гоголь-моголь осядет, а Альфонсина страшно проголодается! — говорил он.

Я глотал гоголь-моголь, кое-как одевался (дедушка не придавал этому никакого значения) и несся во двор кормить Альфонсину и гусят. Потом все вместе мы шли в огород.

Около вишни мы всегда останавливались, чтобы проверить, созрели ягоды или еще нет.

— Всего несколько дней, — шептал дедушка, поглаживая ствол Феличе, — и будем собирать вишню. В этот раз я научу тебя лазить по дереву.

Это приводило меня в такой восторг, что я молил Феличе поторопиться. Я безумно боялся, что мама заберет меня и дедушка не успеет исполнить свое обещание. Но папа сломал ногу, и все сложилось как нельзя лучше.

Однажды утром дедушка посмотрел наверх и сказал:

— Созрела.

Он взял лестницу, прислонил ее к стволу и помог мне залезть на нижнюю ветвь.

— Теперь садись верхом, держись крепко и жди меня.

Он снял башмаки, надел на плечо корзину и через секунду оказался рядом со мной.

— Как у тебя это получается, дед? — спросил я его.

— Секрет вот тут, — ответил он, постучав по своей голове. — Ты должен чувствовать себя птицей или кошкой, должен верить, что дерево — твой друг и твой дом. Тебе должно быть удобно. Сними башмаки. А теперь лезь и не бойся, Феличе тебя поддержит.

Дедушка принялся собирать вишню, а я потихоньку начал ползти и перелезать на другие ветви.

Казалось, дедушка меня не замечает, но на самом деле он не упустил из виду ни одного моего движения.

— Нет, вот так, так, — подсказывал он, когда я не знал, что делать.

Через некоторое время корзина была полна, но мне было так хорошо,

что я совсем не хотел слезать.

— На сегодня хватит, Тонино, я должен работать. Когда ты хорошенько научишься, сможешь лазить сколько угодно. Даже совсем один.

За неделю я превратился в самого настоящего Тарзана: карабкался, спускался и забирался на самые высокие ветви. Дедушка не следил за мной постоянно: иногда он брал кресло бабушки Линды, садился под вишню и закрывал глаза. Но я знал, что это все равно как если бы он меня видел.

— Знаешь, Тонино, — сказал однажды дедушка, — когда я был маленький, у меня не получалось так хорошо, как у тебя. Правда! Мне пришлось даже пару раз разбиться, пока я не наловчился. Ты похож на свою мать. Каким же бесенком она была в детстве!

Я очень гордился тем, что похож на маму, и это первое, что я рассказал ей, когда она приехала забрать меня.

— Мама, дедушка научил меня забираться на Феличе. Смотри, куда я залезал! — и показал ей на самую высокую ветвь.

Мама посмотрела вверх, еще раз посмотрела — и внезапно побледнела.

— Папа, ты сошел с ума? — резко сказала она дедушке.

— А что такого, разве ты в детстве не забиралась туда?

— Двадцать пять лет назад это дерево было в два раза ниже. Почему ты ни о чем не думаешь?

Мама трагически вздохнула и возвела глаза к небу.

В этот момент я ее ненавидел и даже хотел, чтобы она исчезла. Я подбежал к дедушке и обнял его, но он мягко меня отстранил:

— Мама права, Тонино, я просто старый дурак.

Я никогда не смогу забыть эти слова, и, думаю, мама тоже.

Возвращение домой было ужасным. Я капризничал, потому что мама забыла купить мне обещанный альбом с фотографиями футболистов. Она обошла три книжных магазина и два канцелярских, дважды заплатила штраф за парковку в неразрешенном месте, но так ничего и не нашла. Когда она вернулась, я стал еще больше капризничать, и она отвесила мне подзатыльник.

Мы приехали домой. Нам навстречу на костылях вышел папа. Сначала он согласился с мамой, а потом поддержал меня. Мама стала кричать.

Вышла бабушка Антониэтта с Флоппи. Собака облаяла кричащую маму, а та как следует ее пнула. Бабушка Антониэтта вернулась в свою квартиру, а мама с папой продолжили ссориться.

Наконец успокоившись, они решили наказать меня и отправили в свою комнату. Я перестал плакать.

На альбом мне было наплевать. Я злорадствовал, что мама заплатила штраф и так разозлилась. Дедушка Оттавиано был отомщен.

Ночью мне снилось, что мы с дедушкой качаемся на ветках вишни, как цирковые гимнасты на трапеции. Дедушка висел на самой высокой ветви вниз головой, а я держал его за руки. Дедушка раскачивался взад и вперед и неожиданно подбросил меня к небу. Я летел, раскинув руки, как птица, без всякого страха, а дедушка снизу мне улыбался.

*Я летел, раскинув
руки, как птица!*

Тем летом родители, бабушка, дедушка и Флоппи постоянно ссорились, и все из-за папиной ноги. Папа злился, что не мог двигаться, мама злилась на папу, потому что мы не смогли поехать отдыхать, бабушка и дедушка злились на маму, потому что она злилась на папину ногу. Стоило кому-то повысить голос, глупая Флоппи начинала оглушительно лаять, и

казалось, что она злится на всех нас.

Заноза в сердце

Заноза в сердце

В общем, наш дом часто напоминал психушку. Чтобы сбежать от этого безумия, я затыкал уши и шел к себе в комнату подумать или порисовать.

Однажды вошла мама. В тот момент я рисовал, как мы с дедушкой купаемся в речке и как пришли пожарные. Рисунок получился очень хороший. Даже слепой понял бы, что пожарные — это пожарные, а мы с дедушкой — мы с дедушкой. Но поскольку мама нервничала, она начала меня подробно обо всем расспрашивать. А это кто? А это кто купается? А что произошло?

Поэтому, хотя я и обещал дедушке Оттавиано молчать, пришлось рассказать маме о том случае.

Стояла жара, и дедушка предложил:

— А не пойти ли нам на речку искупаться?

Идея мне показалась превосходной. Закончив работу в огороде, мы взяли полотенца и пошли на речку.

Как я уже говорил, река протекала около дома. Она скорее напоминала канал, чем реку, потому что была не очень глубокой и не очень широкой. Мы с дедушкой разделись и в трусах вошли в воду. Пока дедушка размахивал всеми частями тела и фыркал, как тюлень, я начал охотиться за рыбами. В какой-то момент посередине реки я обнаружил, что мимо меня проплывает огромная красивая рыбина, и погнался за ней. Мне понадобилась дедушкина помощь, и я начал кричать:

— Дедушка, дедушка!

— Что такое, Тонино?

— Иди сюда!

Я выныривал, чтобы звать его, и опять нырял, чтобы не упустить рыбу из виду.

— Иду, Тонино, замри! — ответил дедушка и бросился ко мне.

Как назло, в этот момент мимо нас на велосипеде проезжала синьора Мария. Она остановилась посмотреть, что происходит, а потом пулей ринулась прочь. Через пять минут к плотине прибыли пожарные с сигнальными сиренами.

— Не волнуйтесь, мы вам поможем! — закричал один из них.

Тогда дедушка вынырнул из воды, кашляя и отплевываясь.

— Уже не нужно, спасибо. Я ее поймал! — закричал он и продемонстрировал пожарным рыбу.

Мама дослушала историю и начала безумно хохотать — даже никак не могла остановиться.

— Он правда так сказал? — спросила она, вытирая слезы. — Только мой отец способен на такое!

Мама наконец перестала смеяться, и потом у нее весь день было хорошее настроение.

Правда, спустя некоторое время она начала думать о том, что в реке грязная вода и теперь у меня инфекция. «У тебя не болит живот?» — каждые полчаса спрашивала мама. Я говорил, что нет, а она казалась очень расстроенной. Дедушке нельзя доверять, говорила мама.

Но, когда бабушка Антониэтта заметила, что неприлично «в таком возрасте» появляться на людях в трусах, мама моментально парировала:

— А прилично сходить с ума по такой собаке?

В конце концов мама удостоверилась, что я не болеваю, перестала беспокоиться о моем животе и снова занялась папиной ногой.

Лето прошло очень быстро, а осенью я пошел в школу. Как и предвидел дедушка, мне она пришлась не по нраву. Более того, в первые месяцы она была для меня сущей мукой. Особенно мне не нравилось писать, ведь, что бы я ни написал, надо мной непременно смеялись.

Например, я писал: «Дедушка говорит с Альфонсиной».

— Кто это? — спрашивала учительница.

— Гусыня.

И все смеялись.

«Дедушка забирается на вишню, как обезьяна».

— Нужно говорить: «Дедушка проворно забирается на вишню», — поправляла меня учительница. И все смеялись.

«У Феличе все ветви розового цвета».

— Феличе — это кто? Вишня?

И все смеялись.

В конце концов я уже не знал, что писать, и постоянно боялся, что все будут надо мной смеяться. Мама говорила: «Пиши о чем-нибудь другом». Но я не хотел писать то, что мне не нравилось, и поэтому решил больше в школу не ходить.

Однажды утром я сказал маме, что у меня болит живот. Поскольку она мне не поверила, я специально сделал так, чтобы меня вырвало.

— Господи, что же это такое? — сказала она и оставила меня дома.

На следующий день я сделал то же самое, а на третий день мама повела меня к врачу.

— Ничего страшного — просто эмоциональное напряжение. Ему нужно успокоиться.

Тогда мама пошла к учительнице и что-то ей объяснила. Учительница сказала, что ей очень жаль и что я ребенок с очень богатой, даже слишком богатой фантазией.

— Послушайте, мой сын ничего не придумывает, — сказала мама.

— Правда? — сказала учительница. — То есть его дедушка...

— Да, мой отец действительно такой человек! — воскликнула мама, гордо вскинув голову, и я почувствовал, как сильно ее люблю.

С тех пор я писал о дедушке всякий раз, как мне того хотелось, и мои одноклассники смеялись уже не так часто.

Однажды — это было незадолго до Рождества — мы писали письма Деду Морозу. Вдруг из-за двери послышался шум и голос охранника: «Сюда нельзя».

А другой голос отвечал ему: «Ну не говорите глупостей, это что, тюрьма?»

Я вскочил с места и закричал: — Дедушка!

В этот момент дверь распахнулась: — Извините, можно войти? — и, прежде чем учительница успела раскрыть рот, перед нами возник Дед Мороз.

Не зная, что и думать, я плюхнулся на стул. Тогда я имел очень путаное представление о Деде Морозе, и дома никто мне ничего не

объяснял. Бабушка Антониэтта каждый год клялась и божилась, что встретила его неподалеку с мешком подарков. Мама и папа вроде бы не придавали ему большого значения, но говорили мне, что нужно рано лечь спать, иначе он не принесет подарки. А бабушка Теодолинда однажды, фыркнув, сказала, что Бефана была куда лучше. Оно и понятно: эта старуха похожа на Бабу Ягу, летает на метле и влезает в дом через печную трубу. А потом оставляет подарки в носке, который я вешаю у камина. Куда интереснее Деда Мороза. Дедушка Оттавиано никогда не влезал в эти дела и, когда я спросил его мнение, ответил, что ничего в этом не понимает.

— Добрый день, — сказал Дед Мороз, — я узнал, что вы хотите со мной познакомиться. Вот, проходил мимо и решил зайти поздороваться.

Голос у него был такой же, как у дедушки, и я понемногу начал понимать, что к чему. Дед Мороз снял с плеч огромную корзину и поставил на пол. Оттуда раздалось какое-то бурчание.

— Подожди, сначала мы должны раздать подарки, — сказал он, глядя в корзину, и начал вынимать множество свертков. Тут начался кавардак, потому что все дети бросились к Деду Морозу. Каждый получил по подарку:

— А ты почему не подходишь? — спросил меня Дед Мороз. Я действительно оставался на своем месте и не знал, как вести себя. Я подошел к нему, а он положил руку мне на плечо:

— Теперь, дети, садитесь по местам, потому что я должен сделать Тонино особенный подарок.

Пока мои одноклассники с дикой скоростью рассаживались по местам, Дед Мороз опустил руку в корзину и достал оттуда Альфонсину.

— Это для Тонино, — сказал он и отдал ее мне.

Альфонсина в тот день была очень красивая, с белыми блестящими перышками и красным бантом на шее. Мои одноклассники просто потеряли дар речи, а вот учительница, наоборот, наконец-то обрела:

— Кто вы?!

— Я дедушка Тонино, — ответил дедушка, снимая колпак и фальшивую бороду. — Я ехал к дочери, вез ей всякую снедь и подумал: «Поеду-ка я сделаю сюрприз Тонино и его друзьям». Ну, вот я и здесь. Можете спрашивать у меня все, что хотите.

Тогда учительница предложила дедушке сесть и сказала охраннику, который все еще стоял в дверях, что он может идти. Дедушка сел, посадил на колени Альфонсину и начал рассказывать. Он говорил о Феличе и огороде, об Альфонсине и ее гусятах, и даже о бабушке Теодолинде. Я сидел рядом с ним, а мои одноклассники слушали затаив дыхание. И я

чувствовал себя как в том сне, где мы сидели на вишне и он учил меня летать.

Зазвонил звонок, но никто не хотел идти домой, и учительница сказала, что благодаря дедушке мы провели незабываемый день.

С тех пор никто уже не смеялся над тем, что я писал, а некоторые дети даже немного мне завидовали.

На Рождество дедушка приехал к нам обедать. Он во что бы то ни стало хотел вернуться вечером домой, и мама спросила меня, не хочу ли я поехать с ним.

— Денька на два, а потом мы тебя заберем.

Дедушка ужасно обрадовался. «Это лучший подарок, который ты могла мне сделать», — сказал он маме.

Мы быстро собрали вещи и уехали, и на этот раз уже никто не махал нам из окна.

— Хороший знак, — сказал дедушка. — Значит, они начинают нам доверять. В следующий раз вообще забудут забрать тебя!

Дедушка был очень доволен. Всю дорогу только и делал, что пел песни, которые нравились бабушке Теодолинде, и рассказывал мне, как они ходили на танцы.

— Твоя бабушка была ужасно ревнивой. Если входила красивая девушка и случайно, совершенно случайно смотрела на меня, Линда превращалась в настоящую фурию. Однажды бабушка набросилась на одну девушку — была готова сожрать ее с потрохами!

Я никак не мог представить себе бабушку Линду в роли каннибала: мне казалось, ей больше подходит вольная борьба, бокс или что-то в этом роде. Я так и сказал дедушке.

— Ты прав, Тонино, это всего лишь фигура речи. Но уверяю тебя, что в те годы с ней творилось что-то невообразимое. Видел бы ты эти пощечины, Тонино: какая сила!

— А ты что сделал?

— Ну, я попытался их разнять, но, знаешь, если уж бабушка разошлась...

Дедушка Оттавиано смеялся и тряс головой.

— Тебе жалко, что она умерла?

Я заметил, что, говоря о мертвых, все делают серьезные лица и вздыхают, даже если едва их знали. А дедушка, наоборот, никогда не грустил, когда мы говорили о бабушке.

— Для меня она не умерла, Тонино. Запомни: ты не умираешь, пока тебя кто-то любит.

И он опять начал петь. Так мы проделали это путешествие, и я уже думал о лете и обо всем том, что мы могли бы делать вместе. На самом деле это был последний раз, когда я оставался у бабушки.

Подъезжая к дому, я увидел Феличе. Все дерево было украшено лампочками и белыми лентами: лампочки были установлены посреди лент и, когда они зажигались, казалось, будто Феличе покрыта цветами. Как весной.

— Дедушка, какое чудо! — закричал я.

— Да, я тоже так думаю, — сказал дедушка. — Знаешь, это стоило мне целое состояние, и все говорили, что я сумасшедший. Но я сказал себе: «Если приедет Тонино, я должен сделать ему сюрприз, который он никогда не забудет». Я даже посоветовался с Альфонсиной, и она тоже решила, что идея хорошая. Так я все это затеял, и... в общем, мне кажется, получилось неплохо. Феличе должна быть очень довольна. В этот момент Феличе вспыхнула вновь, и вместе с лампочками на самой высокой ветви загорелась надпись. «СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!» Мы пошли в дом, дедушка зажег камин, а потом спросил меня, не хочу ли я посмотреть телевизор. Я сказал: «Лучше расскажи мне сказку, как бабушка Линда».

— Сказку? — спросил он немного удивленно.

— А что, ты их не знаешь?

Оказалось, дедушка не помнил ни одной сказки. Лицо у меня было ужасно разочарованное, и он предложил, чтобы сказку рассказывал я. Мы устроились в креслах у огня, но в какой-то момент рассказа я заметил, что он не шевелится.

— Спишь? — спросил я его. Дедушка не ответил. Он свесил голову на плечо и закрыл глаза. Казалось, будто он не дышит. Вдруг он умер, как бабушка Теодолинда, подумал я и ужасно испугался.

Как раз в этот момент дедушка вздохнул, открыл рот, надул щеки и начал храпеть: Хррр-пфф... Хррр. Тогда я поудобнее устроился в кресле и тоже заснул. На следующее утро я проснулся в своей постели и услышал, как дедушка на кухне готовит гоголь-моголь.

Когда праздники закончились, я снова пошел в школу. По субботам мы с мамой ездили к дедушке, а иногда он приезжал обедать к нам. В общем, все было как обычно, не хватало только бабушки Теодолинды. Мама говорила, что чем больше проходит времени, тем острее она ощущает ее отсутствие. Обычно она начинала этот разговор, когда злилась на бабушку Антониэтту, Флоппи и дедушку Луиджи. Мама говорила, что бабушка Линда была совсем другой, и очень грустила. В эти моменты мне было ее очень жалко, и я пытался утешить ее. Однажды я сказал, что, по-моему, бабушка не умерла, а только превратилась в кого-то другого.

— Превратилась? — спросила мама немного странным голосом. — В кого?

— В гусыню — например, в Альфонсину.

— Кто тебе сказал такое?

— Никто, но раз бабушке так нравились гуси, почему она не могла

превратиться в кого-то из них?

Мама не смогла найти ответ и сказала только, что это невозможно.

— Но почему? — настаивал я.

— Потому что это невозможно, — возразила она. — Бабушка на небе.

Но я все равно был убежден, что ты не умираешь, пока кто-то тебя любит, как сказал дедушка, а если человека, который умер, не видно, значит, он в кого-то превращается. А если он в кого-то превращается, то, конечно, выбирает кого-то, кто ему раньше очень нравился. Поэтому бабушка наверняка стала гусыней.

В субботу мы поехали к дедушке. Он сидел под вишней и загорал, хотя было очень холодно.

Пока мама убирала дом, я устроился рядом с ним и рассказал ему свою теорию. Дедушка молча и очень внимательно меня выслушал, а потом погладил по голове.

— Знаешь, я тоже думал что-то в этом роде. А кем бы я мог стать? — спросил он.

Я даже не сомневался:

— Вишней.

— А ты?

— Я еще об этом не думал, но, наверное, мне хотелось бы стать птицей. Так я мог бы быть рядом с тобой и съесть всю вишню!

Дедушка улыбнулся, но в тот момент я заметил, что он выглядит усталым.

— Тебе нехорошо, дедушка? — спросил я его.

Дедушка поднялся и пошел к дому.

— Мне очень хорошо, но у меня вот тут заноза, — ответил он, показывая на сердце.

Карнавал

Карнавал

Эта заноза меня ужасно поразила, и на обратном пути я всю дорогу только и делал, что думал о ней. Прежде всего я спрашивал себя, как заноза могла оказаться внутри дедушки и дойти до самого сердца. Я придумал несколько гипотез. Он мог случайно проглотить ее, мог съесть что-то колючее. Но что?

— А что колючее можно съесть? — спросил я маму.

— А ты как думаешь? — ответила она. — Морские ежи колючие, и их едят.

— А дедушка их ест?

— Не думаю. Он терпеть не может рыбу.

Значит, морские ежи не подходят.

— А еще?

— Что еще? — мама боролась с грузовиком, который обдавал нас вонючими выхлопами, и не хотела отвечать мне.

— Какие еще колючие вещи можно съесть?

— Кактус опунцию, каштаны...

Вот! Дедушка наверняка случайно съел каштаны... Но как такое могло произойти? И потом, каштаны едят в ноябре, а не в феврале. Удрученный, я сделал последнюю попытку:

— А как ты думаешь, может такое произойти, что заноза случайно оказывается в коже каштана и кто-то случайно ее глотает?

Мама резко затормозила, и мы услышали сзади громкое бибиканье.

— Всю дорогу ты ведешь совершенно бессмысленные разговоры. У

тебя случайно нет температуры? — и она положила мне руку на лоб. — Холодный. Тогда что это за дурацкая история про каштан с занозой, который кто-то съедает?

Когда мама задала этот вопрос, я почувствовал себя дураком и рассказал все маме.

На сей раз она отнеслась к этому серьезно и спросила:

— Он действительно так сказал?

Я старательно повторил дедушкины слова.

— Он никогда мне ничего не рассказывает! — вздохнула мама и обернулась ко мне. — Дедушка имел в виду, что у него проблема, забота, которая свербит его, как заноза.

Так я узнал ответ. Неужели дедушка не мог объяснить получше? И я бы так не мучился!

Но теперь казалось, что и у мамы заноза, причем в мягком месте. Она вертелась, ерзала и все время повторяла:

— Никогда мне ничего не рассказывает! Как можно жить спокойно с таким человеком?

Она была очень взволнована. Поэтому я не стал говорить, что она и сама никогда не бывает спокойна. Так мы приехали домой.

В ближайшие дни мама звонила дедушке чаще, чем обычно. Все разговоры начинались со слов: «Папа, ну как ты?». Дальше следовало: «Тебе что-нибудь нужно?», «Тебе чего-то не хватает?». Дедушка был в порядке, и ему ничего не требовалось. Но чем чаще он повторял это маме, тем больше она волновалась. Однажды папа потерял терпение:

— Что он должен сказать, чтобы ты успокоилась? Что он умирает?

Папины слова были вполне логичны, но мама их не оценила. Она считала, что поведение дедушки ненормально.

— Он должен был рассердиться из-за всех этих звонков. Раньше он бы ужасно рассердился. Почему теперь он такой спокойный?

Папа сказал, что мама несет чушь и что ей нужно лечиться. Она ответила, что это ему нужно лечиться и что он строит из себя бог весть что. Папа сказал, что он просто мыслит логически, а мама ответила, что именно поэтому ему не дано понять некоторых вещей и что он их никогда не поймет. Папа разозлился и ушел, хлопнув дверью, а мама стала так энергично оттирать кухонную плитку, будто хотела съесть ее на ужин. Из этого спора я не понял ничего, но мне показалось, что мама все преувеличивает, а папа прав. На самом деле права оказалась мама.

Когда мы вернулись к дедушке, мы опять увидели, что он сидит под вишней, с Альфонсиной на коленях. Другие гусята устроились вокруг них

во дворе, но Альфонсина просто стала его тенью, она никогда не оставляла его.

Стояла очень холодная погода, это было время карнавала. Я хотел поехать к дедушке в костюме Супермена, который был моим тогдашним кумиром, потому что умел летать. На дедушке был только пиджак, он сидел, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами. Руки он положил на Альфонсину, которая устроилась у него на коленях, спрятав голову под крыло.

Мама, как всегда, остановила машину перед домом, а когда увидела дедушку, вскрикнула и закрыла рот рукой.

— Оставайся здесь! — велела она мне и побежала к дедушке. Я увидел, что мама щупает его и сильно трясет. Дедушка открыл глаза, а мама начала быстро-быстро что-то ему говорить. Он покачал головой. Потом мама помогла ему встать, и они направились к дому. Дедушка шел прямо, но опершись на маму, а Альфонсина семенила за ними.

Я ничего не понимал. Впервые дедушка даже не поздоровался со мной и не обращал на меня никакого внимания. Я почувствовал себя невероятно одиноким и несчастным. Даже начни я вдруг летать, как Супермен, меня это бы не утешило.

Я немного подождал, надеясь, что кто-нибудь вспомнит обо мне и о моем карнавальном костюме, но никто не появлялся. Тогда я вышел из машины и начал бродить по двору. В дом я заходить не хотел. Мне казалось, будет справедливо, если они сами придут за мной. Но никто меня не искал, и мне очень захотелось плакать. Я сел на корточки рядом с вишней, опустил голову на колени и начал рыдать. По правде говоря, мне быстро расхотелось плакать, но я специально продолжал, думая, что если мама с дедушкой выйдут из дома и увидят меня, им станет стыдно за свое поведение.

Мама действительно вышла, пошла к машине, открыла дверцу, потом закрыла и начала меня звать. Я следил за ней и чувствовал себя отомщенным. Наконец мама меня заметила, подошла ко мне и подняла меня на руки.

— Можно узнать, что с тобой происходит? — сказала она и начала трясти меня так, как будто хотела вырвать мне все волосы. — Дедушке нехорошо, а ты, вместо того чтобы войти, стоишь здесь на холоде и ждешь, пока не схватишь воспаление легких! — И она снова начала меня трясти.

Реакция мамы настолько отличалась от той, которую я ожидал, что на этот раз я по-настоящему расплакался. И она тут же переменилась:

— Нет, милый, с дедушкой ничего серьезного! — сказала она, обнимая

меня. — Он просто очень беспокоится из-за одного дела. Все будет хорошо, вот увидишь.

Я хотел сказать ей, что плачу из-за себя, а не из-за дедушки. Но только что мама устроила мне взбучку, хотя справедливость была на моей стороне. Как же она отреагирует теперь? И я решил ничего не говорить, а мама продолжала обнимать меня и гладить.

— Пошли в дом, — решила она, — а то ты действительно заболеешь.

На кухне я увидел, что дедушка сидит за столом, а перед ним чашка с горячим молоком. Рядом лежал большой желтый конверт, из которого высовывались какие-то бумаги. Камин был зажжен, но в доме все равно было холодно, и мама заставила меня надеть пальто.

— Какой у тебя прекрасный костюм! — воскликнул дедушка, наконец заметив меня. — Видела бы тебя в нем бабушка Линда!

Кто это? Акробат? Когда я был маленьким, мне очень хотелось работать в цирке и стать акробатом. Но я стал огородником, как и мой отец... а теперь они хотят забрать у меня землю! Мою землю!

Он почти прокричал эти слова, потом взял конверт и отшвырнул его подальше. Я был поражен и почти что испуган поведением дедушки, потому что в этот момент он был непохож на самого себя.

— Не надо так, папа, — сказала мама, собирая бумаги. — Я уже тебе сказала, что мы с Пьеро пойдем в муниципалитет и все уладим. А если у нас ничего не получится, мы обратимся к адвокату.

— Я уже ходил в муниципалитет, ничего нельзя сделать, — глухо сказал дедушка. — Будь прокляты они и их дорога! Эти мерзавцы хотят отобрать мою землю!

— Папа, успокойся! — повторила мама. — Здесь же Тонино.

Тогда дедушка вздрогнул, будто очнувшись ото сна, и перевел взгляд на меня. На этот раз он по-настоящему посмотрел на меня и улыбнулся:

— Подойди сюда, молодой человек! Думаешь, твой дед совсем спятил, да? Тем более об этом столько говорят. Ну и почему ты так одет?

— Сегодня карнавал, дедушка.

И мне захотелось плакать при мысли о том, что мои друзья гуляют в своих костюмах и празднуют, а я сижу здесь уже два часа и слушаю, как кричит дедушка, и никто ничего мне не говорит.

— Сегодня карнавал, а ты тут теряешь время со мной? Феличита, как ты могла сегодня притащить Тонино ко мне!

— А когда я могла его привезти? Мы свободны только по субботам! И потом, он сам хотел к тебе прийти, чтобы ты увидел его костюм.

— Правда? Но тогда мы должны это отметить! — сказал дедушка, снова став самим собой. — Теперь мы приготовим сладкие блинчики, которые так нравились твоей маме, когда она была маленькой. А еще включим музыку!

— Папа! — вскричала мама.

— Никакого папы! — отрезал он. — Ты начинай готовить, а я сейчас приду.

Мама, вздыхая, надела фартук и стала доставать все необходимое.

— Помочь тебе? — спросил я ее.

— Давай. К счастью, карнавал всего раз в году.

Мама казалась не очень-то довольной, но постепенно ее настроение изменилось, и она начала петь.

— Когда я была маленькой, во время карнавала бабушка Линда всегда пекла блинчики. За готовкой она пела. Я сидела там, где ты сейчас, и помогала ей. А под конец у меня все лицо и все руки были выпачканы мукой — как у тебя сейчас. На карнавал к нам приходила куча людей: все ели, плясали, смеялись... А дедушка, вот сумасшедший...

Пока мама говорила, за дверью раздались звуки аккордеона. Мама замолчала и прислушалась.

— Вот! — сказала она тихо, кивнула головой и улыбнулась.

— Можно войти? — спросил дедушка.

— Входи, дедушка! — закричал я. Я не знал, кто играет, но мне не терпелось увидеть его.

Дверь внезапно распахнулась, но за дверью было пусто: только где-то там, в темноте, играл аккордеон.

— Дедушка, заходи же! — еще раз закричал я. Я был так возбужден, что ноги у меня просто тряслись.

— Я правда могу войти? — повторил он. Мама рассмеялась, а я заорал что есть мочи:

— Да-а-а!

— Хорошо, раз ребенок так настаивает, я...

Аккордеон на миг замолк, потом издал трель, и наконец:

— Иду! — воскликнул дедушка, перемахивая через кухню огромными шагами.

На голове у него был высоченный кривой цилиндр. Еще он надел фальшивый нос, темные очки и галстук в красный горошек. Пока дедушка шел, с него свалилась шляпа. А когда он нагнулся, чтобы поднять ее, упали очки и фальшивый нос. Мы с мамой расхохотались.

— Видишь, я стал старым, — вздохнул дедушка. — Раньше со мной такого бы не случилось, даже если бы я и хотел.

— Нет, папа, ты необыкновенный, — сказала мама и крепко-крепко обняла его. У дедушки на глазах выступили слезы, и он шмыгнул носом, как ребенок. А я, впервые видя его таким, очень разволновался и не знал, плакать мне или смеяться.

— Ладно, сыграй нам что-нибудь, пока мы готовим блинчики!

Дедушка шмыгнул носом, сел и заиграл на аккордеоне. Мама

подпевала, бросала блины и пускалась в пляс. Так мы потратили уйму времени, но зато я действительно повеселился. В тот раз мама разрешила мне делать все что угодно.

Когда мы закончили делать тесто, мама напекла блинов, я хорошенько посыпал их сахаром, а потом мы сели за стол. Дедушка спустился в погреб за бутылкой сладкого вина и во что бы то ни стало хотел налить мне капельку.

— Но, папа, он еще ребенок!

— Глупости, в его возрасте ты постоянно пила вино! Он твой сын или нет?

Так мы ели, пили и играли, пока мама не посмотрела на часы и не сказала:

— Папа, уже восемь. Мы должны ехать.

— О, да! — сказал дедушка, опять посерьезнев. Он пошел в другую комнату, а вернулся уже без аккордеона, носа и цилиндра.

— Это был прекрасный день, — сказал он. — Я почти что вернулся в старые добрые времена. Хотя на самом деле...

— Папа, я уже тебе говорила, что ты не должен жить тут один, тебе плохо, ты вбиваешь себе в голову черт знает что...

— И куда я должен ехать? — спросил дедушка. — Может, к тебе домой?

— Да! Поехали к нам! — начал умолять я.

Дедушка Оттавиано улыбнулся и погладил меня по голове.

— Знаешь, что происходит со старыми деревьями, когда их пересаживают? Они умирают. Скажи это своей матери.

— Упрямый как осел! — обругала его мама и, фыркнув, вышла.

По дороге я заснул, а на следующее утро проснулся в своей постели. Бабушка Антониэтта рассказала, что я вернулся домой «скорее мертвый, чем живой» и испачканный «самым ужасным образом».

— Кто знает, что вы натворили у дедушки Оттавиано! — сказала она.

Чтобы разозлить ее, я не стал ничего ей рассказывать. Только пошел взглянуть на костюм Супермена, который валялся на полу у кровати. Он был весь в муке, масле и вине.

Мама его выстирала, но пятна от вина остались, и я не мог его больше носить. Тогда я расстроился, а теперь не променяю его даже на две модели «феррари» и «тойоты» — мою нынешнюю мечту. Потому что этот костюм — мое последнее счастливое воспоминание о дедушке.

Почти сразу после карнавала я заболел и двадцать дней не ходил в школу. В первые дни у меня была высокая температура, ужасно болело горло, а когда я кашлял, папа говорил, что я звучу как расстроенная труба. Доктор сказал, это тяжелая форма бронхита, и велел прикладывать к голове лед, чтобы сбить температуру. Бабушка Антониэтта и дедушка Луиджи каждый день навещали меня и говорили маме:

— Конечно же, ребенок заболел в «том» доме, он такой холодный!

Мама, слыша это, теряла терпение и однажды сказала бабушке с дедушкой, что там я чувствовал себя отлично и что они только зря тратят силы, повторяя одно и то же. Бабушка с дедушкой очень обиделись и ушли, а мама с облегчением вздохнула и сказала: «Слава богу». Потом она пошла звонить дедушке Оттавиано.

В эти дни мама все время нервничала, как из-за моей болезни, так и из-за дедушки. Он действительно постоянно ей звонил, и я слышал, как она повторяла:

— Не волнуйся, папа, тебе нельзя волноваться!

Я думал, что дедушка беспокоится из-за меня, и решил, что раз уж он так сильно волнуется, значит, я по-настоящему серьезно болен. Однажды я даже заплакал, потому что вспомнил, что бабушка Линда после болезни умерла, и сказал маме, что умирать не хочу.

— Что ты такое говоришь, дедушка волнуется не из-за тебя! Для него болезней не существует — представь себе. И потом, это не болезнь, а пустяки. Это он болен: история с экспроприацией не дает ему покоя, он просто стал другим человеком!

— А что такое экспроприация?

— Муниципалитет хочет забрать у него часть земли, потому что они решили продлить дорогу и сделать шоссе.

— Но почему дедушка не помешает им?

— Потому что он не может. Мы с папой ходили в муниципалитет говорить с мэром и членом городской управы, но ничего сделать нельзя. Мы должны обратиться к адвокату, — вздохнула мама.

— Это и есть заноза в сердце?

— Да, и если мы ее вовремя не вытащим, не знаю, что будет дальше. Там, один, с этой навязчивой идеей... если бы только была жива бабушка!

Той ночью мне снилась бабушка Теодолинда. Она была одета в белый врачебный халат и держала на руках Альфонсину. Бабушка была очень веселой, улыбалась и говорила дедушке, что вынет занозу из его сердца. Он неподвижно лежал на кровати в одних трусах — в них он был, когда мы ходили на речку. Дедушка тоже улыбался и просил бабушку поторопиться, потому что ему нужно в огород. Тогда бабушка вытащила перо из крыла Альфонсины и начала щекотать его, а дедушка смеялся и говорил: «Перестань, Линда, перестань!» Потом я ничего не видел, а через некоторое время опять увидел бабушку во дворе, одетую как привидение, она гналась за гусями с тем самым пером в руке. «Ты вытащила занозу?» — спросил я ее. Но она не ответила. Проснувшись, я не знал, что и думать.

Бесцветный дом

Бесцветный дом

Как-то утром в конце марта я проснулся и увидел за окном снег. Это было и очень красиво, и странно. Странно, потому что несколько дней назад мы с учительницей изучали парк весной, а потом исписали своими наблюдениями целых две страницы.

— Видите, почки распустились?

— Да-а-а! — отвечали мы хором.

— Видите, вылезла молодая травка? Какого она цвета?

— Зеленого! — кричали мы, но учительница никак не могла уговориться:

— А еще какого?

— Желтого! — сказал кто-то.

— Нет, не желтого. Смотрите внимательно: она нежно-желтого оттенка, который ближе к зеленому. Пишите. А теперь посмотрите сюда...

Короче говоря, скукота, да и только. Стоило мне отойти в сторону, как она говорила:

— Антонио, не отвлекайся, иди сюда. Иначе ты так и не поймешь, что такое весна.

«Я уже знаю, что такое весна, — сказал я учительнице. — Там, где живет мой дедушка, она еще красивее, потому что Феличе вся покрыта цветами». Учительница обиделась и, когда за мной пришла мама, рассказала ей, что я невнимательный и в отличие от других детей никогда не научусь писать. Поэтому, когда через пару дней выпал снег, я понял, что насчет весны учительница ошиблась, и очень обрадовался. Я даже хотел сказать ей об этом, но в то утро она не пришла, и наш класс разделили между двумя другими учительницами. Мне досталась очень симпатичная: она отвела всех в парк и разрешила целый час играть в снежки.

— А потом нужно будет писать? — спросил я.

— Ну что ты! Сегодня же выпал снег, а значит — каникулы!

Днем поднялся ветер, небо расчистилось, и снег растаял.

— Пришел марток — надевай семь порток, — изрекла бабушка Антониэтта. — Ночью будут заморозки. В тот вечер мама вернулась домой поздно, потому что в магазине у нее возникли проблемы с каким-то покупателем. Я еще не рассказывал, что мама вместе со своей подругой Луизой держала магазин, в котором продавалось разное старье — платья, шляпы, куклы, часы, драгоценности и всякое такое. Бабушка Антониэтта считала эти вещи «милыми, стильными, но не старинными», а мама называла их ровесниками бабушки Антониэтты. Мама очень любила свою работу, и ее раздражало, что бабушка не воспринимает ее всерьез. В общем, в тот день она вернулась поздно, а после ужина вспомнила, что забыла позвонить дедушке Оттавиано.

— Сейчас он уже спит, позвоню ему с утра, — сказала она. А я пошел спать.

Рано утром зазвонил телефон. Я сидел на кухне и завтракал. Помню, что у меня была полная тарелка какао и в ней плавали печенья-лодочки. Это была одна из моих самых любимых игр: воздушные печенья некоторое время плавали в молоке, потом я мочил одно из них, некоторое время возил его ложкой кругами по тарелке, а когда оно начинало тонуть, пиф-паф — стрелял им себе в рот. Мама говорила, что каждое утро эти печенья отнимают десять минут моего сна и что ее терпение скоро лопнет. Правда,

когда у нее было хорошее настроение, она мне играть не мешала.

Мама подняла трубку, и я услышал, как она вскрикнула:

— О, господи!

Потом мама стала звать папу и побежала в комнату: она открывала и закрывала ящики комода и все время что-то тараторила — так быстро, что я не мог понять ни слова. Потом я услышал, как папа ей сказал: «Успокойся!» Он вышел из комнаты и молча прошел мимо меня. Папа уже был одет, хотя обычно в это время он еще ходил в пижаме, да и мама тоже.

— Тонино, — сказала мама, — сегодня утром в школу тебя отведет дедушка.

— Какой дедушка? — спросил я, как последний идиот. Не то чтобы я действительно этого не понимал. Просто мне не нравилось, что они обсуждают что-то тайком и собираются уйти из дома, так ничего и не объяснив.

— То есть какой дедушка? — закричала мама. — Что это еще за фокусы?

— Я в школу с дедушкой не пойду, — ответил я.

Я думал, она мне что-нибудь объяснит, но вместо этого она влепила мне пощечину.

— Быстро доедай свое печенье, хватит играть! — приказала мама.

Я разрыдался. Папа хотел что-то сказать, но в этот момент позвонили в дверь и он пошел открывать. Это была бабушка Антониэтта, которая, едва переступив порог, прошептала:

— Ох, бедняжечка! — и обняла маму.

— Он еще не умер!

— Да, конечно, но какая беда! Куда ты теперь, в больницу?

Мама кивнула:

— Вы побудете с Тонино?

— Ну конечно, не волнуйся! Идите, идите!

Бабушка вытолкнула маму с папой за дверь и зашла на кухню. Пока

они уходили, я твердо решил, что кое-кто заплатит за пощечину, и тут же сообщил бабушке, что в школу не пойду. Как я и предполагал, бабушка начала уговаривать меня быть умницей, но чем больше она настаивала, тем тверже я стоял на своем. Тогда она села напротив и с тем же выражением лица, какое было у Флоппи, когда ей говорили, что она не пойдет гулять, спросила:

— Тонино, почему ты не хочешь вести себя разумно?

Я намочил последнее печенье и, чтобы побольше разозлить ее, начал пальцем возить его кругами по тарелке, как катер. Бабушка вся побагровела, схватила меня за запястье, вытащила мою руку из тарелки и начала кричать:

— Постыдись, твой дедушка умирает, а ты капризничаешь!

Не знаю, что меня так испугало, лицо бабушки или ее слова, но даже сейчас, когда я вспоминаю эту сцену, к горлу подкатывает тошнота. Как на американских горках, но, пожалуй, еще хуже. Едва бабушка перестала кричать, я открыл рот, и оттуда вылилось все молоко с печеньем.

Бабушка, конечно, перепугалась и побежала за дедушкой Луиджи. Потом оба они начали расспрашивать меня, что я ел на ужин. Когда я сказал, что ел яичницу с картошкой, бабушка возвела глаза к небу и сказала:

— Теперь все ясно. Это несварение. Сегодня будешь лежать дома в тепле, и все пройдет.

Поэтому все утро я провел с ними и Флоппи, а поскольку я ничего не говорил и с трудом отвечал на вопросы, бабушка решила, что у меня температура, положила меня в постель и укутала несколькими одеялами.

Каждую секунду она спрашивала:

— Что ты чувствуешь? Где у тебя болит?

Я отвечал, что не знаю, но мне действительно было плохо, еще хуже, чем когда умерла бабушка Линда.

Днем вернулась мама, и я услышал, как они с бабушкой разговаривают в другой комнате.

— Да вы что? — сказала мама. — Но все было прекрасно!

Потом она вошла в комнату, но я закрыл глаза и притворился, что сплю. Я боялся с ней говорить. Мама подошла, потрогала мой лоб и вышла. Через некоторое время бабушка с дедушкой ушли, и мама вернулась. Она села на край кровати и спросила:

— Зачем ты притворяешься, что спишь?

Тогда я открыл глаза и сказал:

— Дедушка умер, да?

— Что за чушь ты несешь! У этого старого безумца всего лишь бронхопневмония!

— То есть он не умрет?

Мама положила голову на подушку рядом со мной и крепко меня обняла.

— Нет, не умрет, хотя он был на волосок от смерти. Знаешь, что он натворил? Всю ночь жег костер под вишней, чтобы почки не замерзли. Когда сегодня утром его нашли, он наполовину был обморожен. Ну а с тобой-то что? Что у тебя болит?

Я сказал, что все в порядке и мне уже лучше. Больше ни о чем мама не спрашивала, и я не стал ей рассказывать о том разговоре с бабушкой, потому что это слишком сложно объяснять. Но с тех пор я не пью молоко с какао и не играю в лодки из печенья.

Спустя пятнадцать дней после того как дедушка чуть не умер от обморожения, мама сказала, что ему стало лучше и врачи хотят выписать его из больницы.

Пока дедушка болел (по словам мамы, еле дышал), он постоянно спрашивал об Альфонсине и Феличе. Мама отвезла Альфонсину к Эмилио и, чтобы дедушка не волновался, сказала ему, что она у нас и чувствует себя отлично. А Феличе мы однажды навестили. В те дни опять были заморозки, и дедушка всю ночь не спал, боясь, что почки погибнут. Дерево было в полном порядке. Я забрался наверх, чтобы посмотреть на почки, и увидел, что они набухли.

Наверное, когда дедушка вернется домой, уже распустятся цветы. Но когда я сказал об этом маме, она лишь покачала головой:

— Не думаю, что он сможет так быстро вернуться.

Вскоре мама сообщила, что дедушку хотят выписать, и тогда между ней, бабушкой, дедушкой и папой разразился ужасный спор. Дедушка любой ценой хотел вернуться к себе домой, а все считали это безумием.

— Пусть его хоть еще немного подержат в больнице, — сказала бабушка Антониэтта.

Папа ответил, что это не выход из положения, но все-таки поговорил с врачами, и дедушку не выписывали еще неделю. В конце недели дедушка сообщил, что чувствует себя хорошо и выйдет из больницы даже в том случае, если его привяжут к кровати.

Мама вернулась от него очень взволнованная.

— Он не может поехать домой, он просто не в состоянии жить один.

— И какие варианты? — спросил папа. — У себя он жить не может, в доме престарелых тоже...

Мама бросила на него испепеляющий взгляд:

— Можно было бы оставить его здесь на некоторое время, а там посмотрим...

— Посмотрим?! Думаешь, твой отец, со всеми его привычками, будет жить в квартире?

— Что ты хочешь этим сказать?

Папа пожал плечами и вышел.

— Вот так всегда! — сказала мама трагически. — А его родителям и этой паршивой собаке все можно!

Когда мама обзывала Флоппи, это означало, что она в ярости и может с минуты на минуту начать ссору.

Тогда я кое-что придумал:

— А что, если мы возьмем домой Альфонсину? Тогда дедушка, может, и согласится переехать.

— Альфонсину? И куда мы ее денем?

— Почему, если у бабушки с дедушкой есть Флоппи, мы не можем

взять Альфонсину, которая уж точно поумней будет? — сказал я.

— А ведь правда! Но ухаживать за ней вы с дедушкой будете сами, я не собираюсь этим заниматься.

Я поклялся, что мы позаботимся об Альфонсине и она не доставит маме хлопот. Мне пришлось три раза пообещать это папе, потому что он никак не хотел мне верить. Наконец я сказал ему:

— Если она хоть раз тебя побеспокоит, можешь выставить из дома и ее, и меня, и дедушку вместе с нами.

И тогда папа согласился:

— Ладно, возьмем и гусыню! Слава богу, хоть не корова.

Иногда папа бывал очень остроумен.

За день до того, как дедушку выписали из больницы, мы с мамой поехали к Эмилио за Альфонсиной. Она гуляла по двору и, завидев нас, понеслась навстречу, стала кричать и хлопать крыльями.

— Что она делает? — спросила мама, потому что ничего не смыслит в гусынях. — Хочет напасть на нас?

Я был ужасно рад видеть Альфонсину и рассказал ей, что мы едем к дедушке и что перед этим ей нужно как следует помыться. Альфонсина не стала протестовать и позволила отнести себя на речку. Там она долго купалась, потом вышла из воды, хорошенько отряхнулась, залезла в машину и тихо устроилась на заднем сиденье.

— Невероятно! — воскликнула мама. — В сто раз умнее этой собаки!

Дома я повязал гусыне красивый красный бант, приготовил корзину и плоску с едой и расставил все это на балконе.

Ночью я проснулся, потому что услышал звук крыльев, бьющихся о стекло. Я вскочил с кровати и посмотрел на балкон, но Альфонсина спала в своей корзине. «Наверное, это бабушка Теодолинда прилетела поздороваться со мной», — подумал я и снова уснул.

Когда на следующий день я вернулся из школы, дедушка уже был дома. Он сидел в моей комнате с Альфонсиной на коленях.

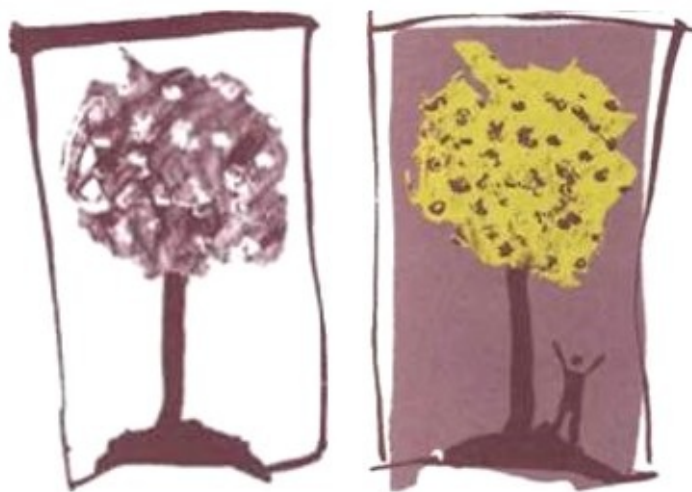
— Дедушка, ты вернулся! — закричал я и побежал обнять его.

Дедушка улыбнулся и попытался встать, но не смог из-за Альфонсины. Он похудел и казался еще старше, чем раньше. Внезапно я понял, что он уже не сможет лазить со мной на вишню, и мне стало грустно.

— Теперь оставь дедушку в покое, пусть отдыхает, — сказала мама и помогла ему раздеться и лечь в постель.

Мы постелили дедушке у меня. Моя комната очень просторная, а окно выходит во внутренний дворик. Поэтому дедушка мог смотреть на разные растения. Не на деревья, конечно, но на розы и кусты. Я нарисовал две

картинки (на одной Феличе была вся в цвету, а на другой — со спелыми ягодами) и повесил их у дедушки над кроватью. Но в тот день дедушка даже не заметил рисунки, и мне стало неприятно. Как будто это был он, но в то же время он ничуть не был похож на самого себя.

Когда я сказал это маме, она объяснила, что дедушка очень долго был в больнице и поэтому чувствует себя потерянным. Кроме того, он должен привыкнуть к новой обстановке.

— Да, но потом он будет таким, как раньше?

Мама ничего не ответила.

Дедушка провел в постели весь день. Рядом лежала Альфонсина в своей корзине. А вечером дедушка сказал, что даже не голоден.

— Давай, папа, поешь, — пыталась переубедить его мама. — А то мы отправим тебя обратно в больницу. Мама вернулась из магазина с жареным цыпленком и картошкой, которые я просто обожал, и с пиццей для себя.

— Это все дрянь, — сказал дедушка. — Твоя мать никогда бы не купила такое. Мама тяжело вздохнула.

— Тогда скажи, чего тебе хочется, и я приготовлю.

— Я ничего не хочу. Хочу к себе домой, — ответил дедушка и отвернулся к стене.

За столом мама резала пиццу так, как будто хотела распилить тарелку.

— Неплохо, если так пойдет и дальше! Дом, работа, гусыня и мой отец!

— А мне нравится цыпленок, — сказал я.

— Не ешь руками! Дедушка прав: эти куры как резина, не будем их больше покупать.

Папы в тот вечер не было дома, поэтому мама могла сколько угодно злиться на курицу, картошку, пиццу и стряпню бабушки Антониэтты, которую папа предпочитал маминой (и, по-моему, был прав). Когда я отправился спать, дедушка спросил меня:

— Из-за чего твоя мать ворчала?

Я все рассказал, и дедушка очень обрадовался:

— Вылитая бедняжка Линда! — воскликнул он. — Что за характер был у твоей бабушки! Я рассказывал тебе о том, как она поссорилась с мясником? Она покупала мясо, и тут оказалось, что кусок весит на тридцать граммов меньше, чем сказал мясник. Тот объяснял, что дело в обертке, а бабушка кричала, что он хочет украсть ее тридцать граммов. В общем, они очень долго спорили, но мясник ни за что не хотел уступать. Наконец бабушка вытащила десять тысяч лир, оторвала от купюры кусочек и положила ее на прилавок: «Это я оставлю себе за те тридцать граммов, которых не хватает», — сказала она.

После этого рассказа дедушка проголодался.

— Принеси-ка мне кусочек цыпленка с картошкой.

— Дедушка, ты же сказал, что тебя от них тошнит!

— Да нет, я так сказал, просто чтобы немного позлить твою мать.

Маме я об этом не стал рассказывать, да и дедушке не сказал, что, когда я пришел на кухню, мама фыркнула: «Хуже ребенка!»

Но в тот вечер мы легли спать умиротворенные.

На следующее утро дедушка встал и сказал, что хочет вернуться домой. Ему приснилось, что вишню срубили.

— Глупости, — ответила мама. — Вишня в полном порядке, мы с Тонино видели ее два дня назад.

— Правда, дедушка. На Феличе полно почек. Совсем скоро она зацветет.

Но дедушка все равно стоял на своем. Он был уверен, что случится что-то плохое.

— Но, папа, что может произойти? Кончай эти глупости. В муниципалитете проект затормозили, и неизвестно, будут ли вообще строить дорогу. И потом, ты не можешь ехать один, ты еще не совсем выздоровел.

— Я не останусь здесь, даже если ты меня привяжешь, — закричал дедушка и резко вскочил.

Мама тоже вскочила и взмахнула руками. Почему-то я решил, что она хочет ударить дедушку, но она, наоборот, положила руки ему на плечи и посадила обратно.

— Послушай, папа, если ты пообещаешь мне успокоиться, как только у меня появится время, мы поедem посмотреть на дом, и ты убедишься, что все в порядке.

Дедушка кивнул и молча продолжил пить молоко.

Когда мы вышли, мама так нервничала, что в гараже случайно дала задний ход и разбила обе задние фары.

В то утро папа, который всегда отвозил меня в школу, ушел рано — он заканчивал свой проект, а мама должна была прийти на работу в девять, потому что ее подруга заболела. Всю дорогу она проклинала весь мир, а тут еще на светофоре полицейский потребовал, чтобы она остановилась и заплатила штраф: ведь задние фары у машины не работали. Сначала мама пыталась объяснить ему ситуацию, но, поскольку полицейский настаивал на том, что без задних фар ездить нельзя, она потеряла терпение.

— Да при чем тут фары! Вот у вас есть одинокий больной отец, которого только что выписали из больницы? А сын, которого надо везти в школу? А свекры, которые думают только о своей собаке? А...

И она сиганула у него из-под носа, несмотря на отчаянный свист. Тогда я подумал, что дедушка прав — мама действительно не промах, — и тут же сказал ей об этом.

— Что бы я без тебя делала! — вздохнула она со слезами на глазах.

В школе учительница задала нам сочинение о весне. Я рассказал о дедушке, о сломавшейся машине и о штрафе. Получилась целая страница. Но учительница сказала, что весна тут ни при чем, и оставила в моей тетрадке замечание.

Через два месяца пришлось заплатить еще один штраф, потому что мама в то утро поехала на красный свет. Я не стал писать об этом в тетради, но дома нарисовал полицейского в больнице с ногами в гипсе, а рядом его плачущую жену. Я показал рисунок маме, но она сказала, что полицейский выполнял свой долг. Никогда ее не поймешь, подумал я.

Несколько дней дедушка не заговаривал о том, чтобы вернуться домой, и вел себя нормально. То есть нормально с точки зрения мамы и бабушки Антониэтты — но не так, как он вел себя раньше. Он все время был очень спокоен и молчалив и проводил большую часть времени с Альфонсиной. Часто я видел, как он сидит на балконе или в саду, греясь на солнце, а Альфонсина — у него на руках. Время от времени он прогуливался взад-вперед и тихо с ней разговаривал.

Однажды бабушка Антониэтта сказала маме:

— Не лучше ли, чтобы гусыня оставалась дома?

— Почему?

— Ну, знаешь, соседи...

— Что странного в том, чтобы носить на руках гусыню? Некоторые гуляют с собаками и делают вид, будто разглядывают витрину, когда те делают свои дела прямо на тротуаре!

Бабушка Антониэтта покраснела и больше ничего не сказала. Однажды я спросил у дедушки, о чем он разговаривает с Альфонсиной.

— О, мы говорим о стольких вещах! О том, как было хорошо, когда была жива Линда, об этих мерзавцах, что хотят забрать у меня землю... О стольких вещах... — Дедушка уставился в пустоту.

— А она тебе отвечает?

Неожиданно он улыбнулся, как раньше, и подмигнул мне.

— Конечно, она же не просто гусыня!

В субботу прошла ровно неделя с тех пор, как дедушка стал жить у нас. Тогда он спросил у мамы, отвезет ли она его в деревню посмотреть на дерево.

— Папа, давай только не сегодня. У меня куча работы в магазине: Луиза все еще больна. Может, Пьеро съездит с тобой.

Но дедушка не хотел ехать с папой, а папа не хотел ехать с дедушкой.

Тогда мама сказала:

— На следующей неделе, как только вернется Луиза, я поеду с тобой. А знаешь, что мы еще сделаем? Тонино не пойдет в школу, и мы проведем в деревне весь день — мы трое и Альфонсина, как в старые добрые времена.

Казалось, дедушка очень доволен, и мама тоже обрадовалась. Но больше всех был рад я. Я знал, что Феличе уже вся в цвету, и мне не терпелось полазить по ветвям. И, кто знает, быть может, дедушка заберется на лестницу и составит мне компанию.

Но, к сожалению, в начале недели Луиза не вернулась. Это произошло только в четверг. Мама, вспоминая об этом, всегда говорила:

— Три дня, три дурацких дня! Неужели она не могла вернуться раньше?! — и плакала.

Папа отвечал, что легко все это обсуждать «апостериори», ну то есть по прошествии какого-то времени. Именно так он и говорил. Мама, слыша это, злилась, и в результате они ссорились. Тогда они ссорились постоянно, а чуть позже поссорились совсем ужасно.

Узнав про Луизу, мама сказала дедушке, что мы поедем в деревню в четверг, и он кивнул головой. В среду, когда мы с мамой вернулись домой к обеду, дедушки дома не оказалось. Сначала мама не удивилась и начала накрывать на стол.

— Спустись в сад и позови дедушку, — сказала она мне.

Но в саду дедушки не было.

— Наверное, он наверху обедает у бабушки Антониэтты и дедушки Луиджи.

Но и там его не было.

— Мы видели его утром, когда гуляли с Флоппи. Он ходил взад-вперед с гусыней на руках, — сказал дедушка Луиджи. — Мы с ним поздоровались, но он не ответил.

— Ну и как он выглядел? Нормально?

— Да... — ответила бабушка Антониэтта. — Ну, может, он был немного странный... Но, знаешь, твой отец всегда отличался... — Еще немного, и мама хлопнула бы дверью у нее перед носом. — Феличита, тебе нужно что-нибудь? Ох, бедолага! И что он вытворит на этот раз? — добавила бабушка, когда дверь уже закрывалась.

Мама села на стул, закрыла лицо руками, потом встала и позвонила папе. Папа сказал, чтобы она успокоилась и что он скоро приедет.

Когда мама нервничает, папа очень здорово себя ведет: по его словам, это потому, что он думает головой, а не сердцем, как мама. Это понятно: он ведь инженер. Папа моментально приехал, выудил из мамы все подробности, а потом сказал:

— Сделаем вывод. Если учесть его нынешнее состояние, далеко он уйти не мог. Может, он решил прогуляться и заблудился, может, не спросил дорогу — ты же знаешь своего отца... Сядем в машину и объедем окрестности. Смотри хорошенько, Тонино.

Я смотрел во все глаза, но не увидел и тени дедушки.

Потом мы начали кружить по не самым близким улицам и так доехали до парка. Парк находится не так уж и далеко от нашего дома, надо только пересечь несколько улиц и окружную дорогу, на которой всегда очень много машин.

— Давайте посмотрим там, — предложила мама. — У меня какое-то предчувствие.

Мы вошли в парк. В парке было множество деревьев: некоторые зеленые, с едва распутившейся листвой, некоторые в цвету. Около одного покрытого розовыми цветами дерева собралось много людей. Все смотрели вверх, а рядом стояла машина скорой помощи. Мама прижала руку к губам. — Вот и он, — сказал папа. Мы подошли ближе. На ветке сидел дедушка с Альфонсиной на руках и болтал ногами в воздухе. Внизу стоял полицейский, двое людей в белом и четверо или пятеро зевак. Еще там был фотограф.

— Привет, Тонино! — закричал дедушка. — Видишь, как красиво цветет Феличе? Два дня подряд я думал: сегодня навещу ее, сегодня навещу ее. Слава богу, наконец решился!

— Отец, — пробормотала мама еле слышным голосом, — что ты говоришь...

— А что? Что я такого говорю? Ты только не начинай, хватит мне этих снизу... Видишь их? Их послал муниципалитет, чтобы срубить вишню. Но сначала они должны...

Дедушка пошевелился и чуть не упал. Мама закричала. Тогда к нам подошел полицейский:

— Вы знаете его?

— Это мой отец, — ответила мама и заплакала. Дедушка теперь смотрел вдаль и, казалось, уже не замечал никого.

С тех пор прошло три года, но я до сих пор помню все до единой детали. Помню, что, когда мама это сказала, все перестали говорить и уставились на нас. Фотограф схватил камеру, папа поднял руку, и раздался щелчок вспышки. Папа выругался и обнял маму за плечи.

— Примерно полчаса назад нам позвонила одна синьора. Она увидела, как ваш отец лезет на дерево с гусыней на плечах. Она позвала его, но он стал кричать. С тех пор как мы сюда приехали, пытаемся убедить его спуститься, но он начинает волноваться, и мы боимся, что он упадет... Может, у вас получится, потому что врачи спешат: их вызвали уже под конец рабочего дня.

Мама вытерла слезы и подошла к дереву.

— Папа, это Феличита.

— Вижу, не слепой, — сказал дедушка.

— Прошу тебя, спускайся.

— Сначала пусть подпишут бумагу, что не возьмут землю и не тронут вишню.

Мама стиснула руки.

— Хорошо, папа, они подпишут.

— Нет, я хочу это видеть.

Папа сказал что-то полицейскому, тот вынул из кармана блокнот и начал писать.

— Доволен? Бумага тут, теперь мы заберем ее.

Дедушка не ответил. Тогда какой-то человек приставил к дереву лестницу и полез наверх, но дедушка снял башмак и сказал ему:

— Только приблизься, проломлю тебе башку — это такая же правда, как и то, что меня зовут Оттавиано!

Я рассмеялся.

— Давай, Тонино, забирайся ко мне! — закричал дедушка. Теперь он был весел, и я не понимал, что делать.

— Ты спустишься, если Тонино залезет к тебе? — спросила мама.
Дедушка кивнул, и я полез на дерево.

— Иди ко мне, — сказал мне дедушка.

Я посмотрел на маму, а она помотала головой.

— Дедушка, мы должны спуститься, пора есть.

— Твоя правда. Ну, значит, потом вернемся обратно.

Дедушка не хотел оставлять Альфонсину, он посадил ее к себе на

спину и, цепляясь за ветки, постепенно спустился вниз. Когда мы очутились на земле, раздались аплодисменты, фотограф снова щелкнул фотоаппаратом, а папа снова выругался.

— Ну что, идем? — спросил дедушка. — Я проголодался.

Папа велел маме идти к машине, а сам остался поговорить с полицейским и людьми в белом.

На следующий день, когда мы собирались завтракать, мама сказала дедушке, что отвезет его в деревню.

— Как здорово! Значит, сегодня я не пойду в школу?

— Нет, ты пойдешь в школу.

— Но ты говорила...

— Ты пойдешь, и все тут! — закричала мама.

У нее было странное лицо и опухшие глаза. Я подумал, что, наверное, она все еще злится из-за того, что дедушка натворил вчера. Только я не понимал, почему она вымещает это на мне, а не на нем. Единственное, чего я действительно не выношу, это несправедливости, несправедливость приводит меня в ярость. А мама в тот момент показалась мне настолько несправедливой, что я уже был готов лезть в бутылку — как тогда с бабушкой Антониэттой.

Но тут дедушка (до этого он пил молоко) неожиданно встал, подошел ко мне и нежно-нежно погладил по голове — как будто боялся сделать мне больно.

— Не волнуйся, Тонино. Я потом приеду с Альфонсиной и заберу тебя из школы.

И тогда я все понял. Я посмотрел на маму. Глаза у нее были широко открыты, а рот она зажала рукой. И я точно понял, что происходит. Тогда мне стало так больно, как не бывало никогда раньше, и я разрыдался.

Дедушка продолжал гладить меня по голове, пока мама не взяла его за руку и не сказала ему ласково:

— Папа, собирайся, мы скоро поедем.

Так дедушка уехал в бесцветный дом и оттуда уже не вернулся. Когда я пришел из школы, мама с папой сидели с такими лицами, как будто кто-то умер, а Альфонсина была в одиночестве на балконе.

— Ты все понял, Тонино, да? Дедушка очень болен... — Папа велел мне сесть рядом. — Он уже не может жить с нами и не может вернуться к себе домой...

— Куда вы его отвезли?

— В одну клинику, там о нем позаботятся.

— А когда он вернется?

Мне никто не ответил.

Дедушка провел в той клинике четыре месяца, и однажды мы с мамой приехали навестить его.

Он жил в белой-белой комнате в конце длинного белого коридора. Сестры тоже одевались во все белое — даже обувь у них была белая, а двери — из белого матового стекла. Все белое и тихое, как в доме с привидениями.

Дедушка сидел у окна, положив руки на колени, и смотрел в никуда. Он так похудел, что казался прозрачным, и руки у него дрожали.

— Дедушка, я привез тебе вишен с Феличе, — сказал я ему. Я собрал для него самые спелые и красивые вишни, положил их в корзинку и накрыл самыми большими листьями.

Дедушка сунул руки в корзину, набрал пригоршню вишен и засунул себе в рот. Он ел вишню и смеялся, ел и смеялся — как ребенок. Сок тек у него по подбородку, а мама вытирала его и говорила:

— Папа, выплевывай косточки.

Но дедушка ел все, в том числе и косточки. В конце концов он взял листья и положил их себе на голову. Он был очень смешной с этими листьями на голове, и я засмеялся. Он тоже смеялся, пока не пришла медсестра:

— Синьор Оттавиано, что это вы натворили!

Она сняла листья у него с головы, взяла мокрое полотенце и стала вытирать его. Она терла, терла, и дедушка снова стал весь белый, как комната, сестра и больница.

С тех пор я больше не хотел навещать его.

Фотографии

Фотографии

Дедушка умер 28 сентября, спустя неделю после начала занятий и за три дня до того, как пришла повестка из суда. В повестке говорилось, что дедушка должен присутствовать на суде. Ведь судья будет решать, кто прав: муниципалитет, который хочет отобрать у дедушки землю, или дедушка, который не хочет ее отдавать и к тому же умер.

Прочитав это, мама чуть было не набросилась на чиновника из суда. Он принес повестку и ждал, чтобы она расписалась.

— Землю вы заберете только через мой труп, ясно вам? Хотите войну? Вы ее получите. Это такая же правда, как и то, что я дочь Оттавиано!

Если бы только дедушка видел, как она потрясает письмом перед носом этого чиновника, который только мотал головой, как марионетка. Он бы смеялся до упаду.

— Завтра они меня выслушают, эти господа! О да, еще как выслушают!

Чиновник еще раз спросил, не распишется ли мама в получении повестки, а потом ушел, повторяя, что он тут ни при чем, и даже забыл свою ручку.

— Подлецы! — сказала мама, когда он ушел. — Как только они могут так поступать с несчастным стариком!

Она была так зла, что даже не вспомнила о том, что дедушка уже умер.

Мама тут же взяла трубку и стала обзванивать кучу людей — адвоката, нотариуса, свою подругу Луизу. Но папе она не позвонила. В то время она почти никогда не звонила ему — папа звонил нам сам. Он больше не возвращался домой после работы, приходил только по выходным и вместо того, чтобы остаться у нас ночевать, брал меня ночевать к себе. Одним словом, мама и папа разошлись.

До этого, еще летом, родители решили попробовать жить отдельно, и мы с мамой временно переехали в дом бабушки. Мне сообщил об этом папа.

— А ты к нам приедешь? — спросил я его.

— Как-нибудь приеду, если вы меня пригласите... — ответил папа и посмотрел на маму. Но мама ничего не сказала. — Мама хочет некоторое время побыть одна, поэтому мы решили, что вы переедете в деревню. Потом осенью посмотрим.

Идея целыми днями быть только с мамой мне не нравилась, более того, это казалось мне чуть ли не наказанием. С тех пор как бабушка заболел, она стала еще более нервной, постоянно говорила, что все сделала неправильно, ей ничего не нравилось и она даже издалека не могла видеть Флоппи. Даже с бабушкой Антониэттой мне было лучше. Но в деревне жили Альфонсина и Феличе, по утрам мама уезжала в магазин, и потом, папа обещал мне купить гоночный велосипед. В общем, все это помогло мне быстро смириться.

В начале июня мы с мамой переехали, а через две недели она так изменилась, что ее было невозможно узнать. Во-первых, она совсем коротко постриглась и стала похожа на мальчика. И теперь у нее всегда было хорошее настроение, даже если приходилось рано вставать и делать кучу дел. Однажды она даже решила приготовить мне гоголь-моголь и чамбеллу, которую делала бабушка Теодолинда. Чамбелла похожа на бублик, только вместо дырочки у нее начинка, а сверху чамбелла покрыта глазурью. К несчастью, у мамы все пригорело, а тесто получилось дырявое, но, чтобы не расстраивать ее, я сказал, что все очень вкусно. Каждый день мама ездила в город, а меня оставляла с Эмилио, который теперь ухаживал за бабушкиным огородом.

— Веди себя хорошо, ладно? — говорила она перед уходом.

— Не волнуйтесь, я за ним присмотрю, — отвечал Эмилио и предоставлял меня самому себе.

В первые дни мама, вернувшись, начинала нас допытывать, как все было. Потом просто спрашивала: «Все в порядке?» — а иногда вообще ничего говорила. Так я обрел свободу. Я стал очень ловко залезать на

верхушку вишни и с помощью Эмилио построил на нижних ветках шалаш и приделал веревочную лесенку, чтобы дедушке Оттавиано было удобнее спускаться и подниматься. Я часто думал о дедушке, о том дедушке, которого я помнил до болезни. О другом мне не хотелось думать, особенно после всей этой истории с фотографиями.

Это случилось почти сразу после того, как мы переехали в деревню. Однажды мама решила навести порядок в комод. В одном ящике вперемешку с бельем и другими вещами она нашла альбом с фотографиями, который мы так часто смотрели, и разбросанные повсюду яркие клочки бумаги. Это были фотографии из альбома. Дедушка разрезал их ножницами, и теперь они были похожи не на фотографии, а на какие-то странные конфетти. Мама заплакала и весь день пыталась склеить все эти кусочки. У нее ничего не вышло.

Наконец она взяла и выбросила все в мусорную корзину.

— Бессмысленно! Он все уничтожил! Все воспоминания, даже фотографию молодой мамы! — повторяла она.

— Но зачем он так с бабушкой Линдой? Значит, на самом деле он не любил ее!

Я не знал, что и думать про дедушку. Многие говорили, что он сумасшедший, но я всегда считал, что он хороший, как и бабушка Линда. Я сказал маме: неважно, сумасшедший дедушка или нет, но мне неприятно, что он стал злым.

— Что ты такое говоришь! Ты начинаешь думать, как все эти люди? Дедушка не сумасшедший и не злой. Он просто болен. Вот здесь, внутри, — она ткнула себя в грудь, и я вспомнил о занозе. — Он заболел от

одинокства, когда умерла мама, потому что очень ее любил. Старики как дети, они не могут быть одни, они нуждаются друг в друге.

— А как же ты тогда будешь без папы?

Мама ответила, что она еще не старушка и у нее еще есть время подумать об этом.

К счастью, на последней странице альбома уцелела фотография, на которой бабушка Линда стоит под вишней и держит на руках маму.

— Смотри! — воскликнула радостно мама, однажды обнаружив ее, и тут же заказала увеличенную копию. Но я не любил смотреть на эту фотографию, потому что она напоминала о других фотографиях из альбома и мне становилось грустно.

Спустя некоторое время мама попросила Эмилио найти Альфонсине мужа. Она сама никогда бы не догадалась, потому что ничего не понимала в гусынях. Ей это Эмилио посоветовал. Он считал, что несправедливо держать Альфонсину в девках.

— Женщина-то как-нибудь да сыщет себе мужика, хорошего или плохого, ну а гусыне-то как мужа найти?

Мама засмеялась и попросила Эмилио съездить на рынок.

— Но как он выберет ей мужа — он же не знает, какой у нее вкус?! — сказал я.

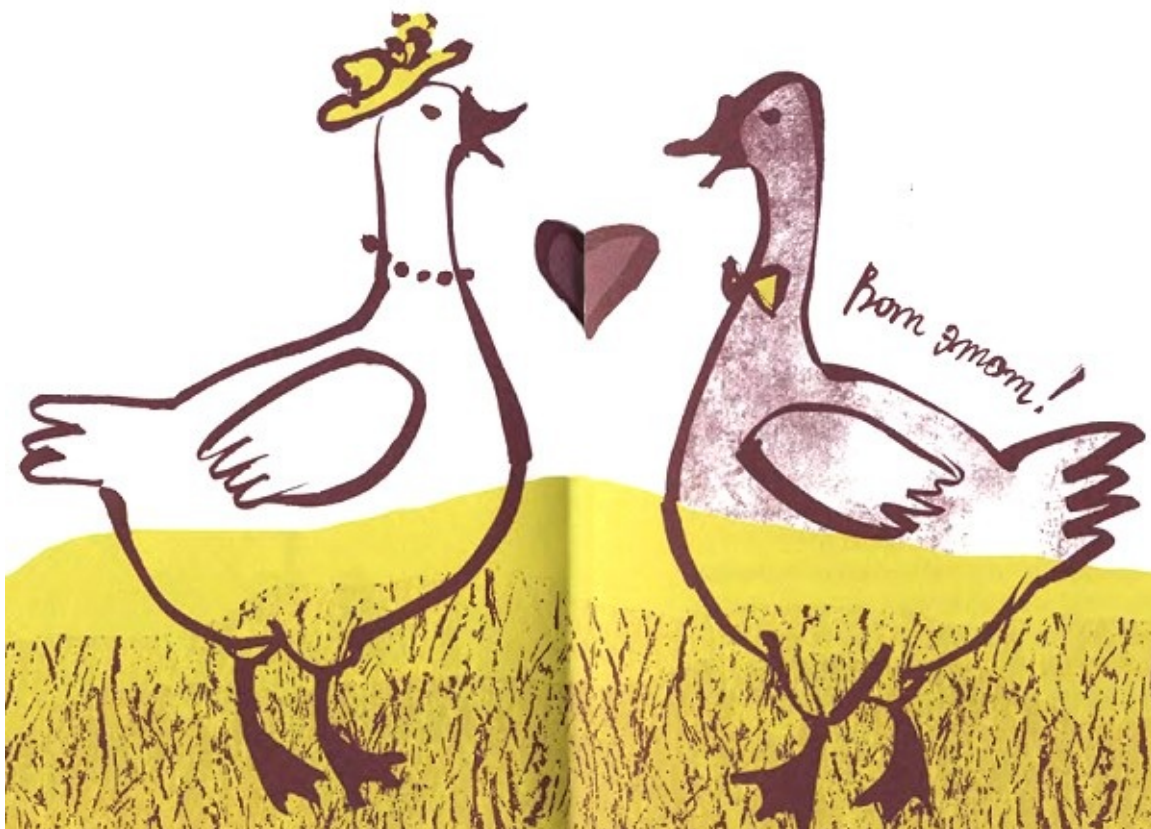
И мама разрешила мне поехать на рынок вместе с Эмилио.

Рынок в деревне работал по средам. В прошлом году мы с дедушкой ездили туда несколько раз продавать овощи, и я запомнил крестьян, которые торговали курами и гусями. Они стояли в глубине улицы с корзинами, где сидели куры, и клетками, где находились гуси.

Гуси были точь-в-точь такие же, как Альфонсина, поэтому, чтобы найти самца, приходилось переворачивать их вниз головой и дуть под хвост.

Я сказал Эмилио, что гусь не должен быть похож на Альфонсину, самцы же должны отличаться от самок. Но Эмилио возразил, что все гуси одинаковые и это полная чушь. Мы продолжали спорить, как вдруг я увидел в углу гуся — с серой спинкой и белой грудкой. Он был такой большой, что даже не помещался в клетку.

— Вот этот!

Я был уверен на сто процентов, что Альфонсине он понравится. Эмилио сказал, что это тулузский гусь и что он будет стоять целое состояние, но я ответил: «Или этот, или вообще ничего», и Эмилио купил его.

Альфонсине муж очень понравился, маме не очень, потому что он слишком дорого стоил, а папе не понравился совсем.

— А когда родятся малыши, куда ты их денешь? — спросил он маму. — Или ты собираешься и дальше тут жить?

Мама не ответила, и папа в тот день уехал раньше обычного.

Когда пришло время идти в школу, мама и папа снова начали спорить. Папа хотел, чтобы я вернулся в прежнюю школу. В деревне школы хуже, говорил он. Мама отвечала, что в младших классах она ходила в деревенскую школу и была счастлива. Папа говорил: «При чем тут это? Просто ты не хочешь возвращаться!» — и они продолжали в том же духе. И никто не интересовался, чего хочу я.

А когда однажды папа спросил меня, я ответил, что в прежнюю школу, с теми же одноклассниками и учительницей, не вернусь, даже если меня пристрелят.

— Не нужно делать из всего трагедию, — сказал папа. — Это все из-за этой истории с дедушкой?

— Почему ты называешь это «историей»? — вмешалась мама. — Тебе кажется нормальным, что дети называют моего отца сумасшедшим, а учительница этому потакает? И что потом она наказывает Тонино, потому что он подрался с тем, кто оскорбил его дедушку?

— Но твой отец забрался на дерево в парке с гусыней на спине, приехала полиция и скорая помощь, его сфотографировали, и на следующий день в газете... А как еще его можно назвать? — спросил папа. — По-твоему, это нормальное поведение?

Тогда мама сказала, что он ничего не понимает и что она не вернется к нему.

— Тогда подаем заявление, — сказал папа, — ты этого хочешь?

Он вышел, хлопнув дверью, а мама заплакала.

Через месяц они действительно развелись, и я стал ходить в деревенскую школу.

В то утро я послал дедушке очень красивый рисунок, на котором были Альфонсина и ее муж Оресте. Мама недавно вернулась домой, и мы собирали в огороде салат к ужину. В это время позвонили из клиники и сказали, что умер дедушка. Мама не хотела в это верить. Она говорила:

— Но я только что его видела, он нормально себя чувствовал!

Я тоже не хотел им верить и сказал маме, что дедушка наверняка выкинул одну из своих шуточек. Но мама помотала головой.

— Когда я уходила, он почти закончил есть. Сидел у окна, как всегда... Я с ним попрощалась, и он даже меня узнал... Но как же так! Как же так!

Мама была в отчаянии. Тогда я понял, что дедушка действительно умер, но не почувствовал никакой боли. Мама плакала, а я представлял себе дедушку у окна в той белой комнате. Он становился все тоньше и легче, а потом улетел. Как перо Альфонсины, которое ветер носит по двору. Дедушка превратился в перышко, и я был рад, что он улетел. Я спросил у мамы, может ли перо долететь до бабушки Теодолинды, и она странно на меня посмотрела, тем самым давая понять, что не собирается отвечать на такой глупый вопрос. Тогда я рассказал ей про то, о чем думал. Мама перестала плакать, вытерла слезы и обняла меня.

— Ты прав, дедушка просто улетел. Это место было не для него — настоящая тюрьма.

Потом мама сказала, что дедушка был даже легче, чем перышко, и что до бабушки Линды он точно долетел, и что я сказал очень хорошие слова и очень ей помог. Мама пошла умыться, а я стал наблюдать, как Альфонсина и Оресте вместе едят во дворе. Они любили друг друга так же сильно, как бабушка с дедушкой.

Еще позже мама приготовила для дедушки костюм — все тот же, который был на нем в день его с бабушкой свадьбы и в день свадьбы мамы и папы.

Бабушка Линда тоже хотела, чтобы в день похорон на ней было платье в цветочек — ее платье с маминой свадьбы. Она всегда говорила: «Запомните: или это, или вообще ничего!» Бабушка хранила его в нейлоновом мешке в шкафу и время от времени развешивала на солнце, чтобы проветрить. «Развесь его на воздухе и попрыскай духами. Не хочу плохо пахнуть», — говорила она дедушке. Но однажды на платье села птичка и обкакала его. С тех пор бабушка уже не проветривала его на улице, а клала на кровать и опрыскивала духами. Ей нравился запах фиалок, эти духи стояли на комод в розовом флакончике. Дедушка говорил, что они пахнут хуже вареной капусты, и бабушка очень сердилась. Но, когда бабушка Теодолинда умерла, он захотел, чтобы мама надела на нее платье и надушила духами, которые так ей нравились.

Когда дедушкин костюм был готов, я пошел к вишне, взял с земли самые красивые листья, одно перо Альфонсины и одно Оресте и положил в каждый карман по листу и по перу. Мама сказала, что это прекрасная мысль и что дедушке это понравилось бы. Потом за нами приехал папа, и мы все вместе поехали в город: я к бабушке Антониэтте и дедушке Луиджи, а они к дедушке Оттавиано.

На похороны я идти не хотел. Остался дома с Эмилио и сделал двуспальную корзину для Оресте и Альфонсины.

Проходя мимо вишни, я увидел веревочную лестницу, которую сделал для дедушки, и мне захотелось снять ее. Но я так этого и не сделал, и она там до сих пор висит.

Когда Коринна подрастет, то сможет забираться по ней на вишню.

Вишня

Через несколько дней после того, как пришла повестка, мама очень рано разбудила меня и сказала, что мы должны ехать в город разрабатывать план войны с теми, кто хочет отобрать дедушкин огород.

Я подумал, что должен помочь маме, и спросил, как именно мы будем воевать. Но она ответила, чтобы я не пристававал и что это не детские дела.

В то утро она была не в духе, и я решил не настаивать. Когда мы приехали к бабушке с дедушкой, я подумал, что мама хочет попросить совета у дедушки Луиджи. Он ведь полковник в отставке и в войнах разбирается хорошо. Но она просто хотела меня там оставить.

В это время дедушка шел на первую прогулку с Флоппи.

— Ну-с, юноша, какие планы на сегодня? — сказал дедушка. — Идем в школу или нет?

С тех пор как мне исполнилось четыре года, дедушка, встречая меня по утрам, всегда задавал один и тот же вопрос. Иногда мне это надоедало, иногда я не обращал внимания, тем более что никакого ответа дедушке не требовалось. Он задавал свой вопрос и шел дальше с Флоппи, которая с невероятной скоростью перебирала лапами, чтобы не отставать от него.

Едва завидев дедушку, мама перегородила ему дорогу, сказала, что очень спешит, и оставила меня на тротуаре рядом с ним.

— Превосходно, — сказал дедушка, — мы отлично пройдемся, не правда ли, Тонино?

И мама тут же уехала. За четверть часа мы дошли до парка и вернулись обратно. Дедушка не просто шел со сверхъестественной скоростью, но, как только Флоппи пыталась присесть, он тянул поводок и командовал: «Марш!» Флоппи так и застывала с лапой в воздухе, не успев закончить свои дела.

Остаток утра был таким скучным, что даже школа казалась мне раем. Час я провел на рынке с бабушкой Антониэттой, которая покупала овощи для супа, и с Флоппи, которая каждую секунду останавливалась и что-то нюхала, еще час — за приготовлением овощей, потому что бабушка Антониэтта со своей панической боязнью микробов очень долго их мыла.

В час, когда я уже не знал что и делать, позвонил папа и пригласил меня на обед. Он заказал мне пиццу и картошку и устроил допрос насчет мамы. Папа спрашивал, как она, как спит и грустит ли. С тех пор как они разошлись, он всегда так делал.

«Мама скорее не грустная, а злая», — рассказал я ему, — и все из-за этой повестки из суда.

А потом попытался объяснить ситуацию с судом и изложить план войны. Папа сразу все понял и, как только пришла мама, спросил, как все прошло и не нужна ли ей помощь.

— Нет, спасибо, — сказала мама. — Все нормально.

По дороге домой я спросил, победили ли мы и можно ли теперь спать спокойно.

— Ну что ты! — ответила она. — Они перенесли слушание на месяц. До ноября.

Когда я рассказал об этом папе, он, вместо того чтобы рассердиться на мамино вранье, рассмеялся и сказал, что этого следовало ожидать.

— Она никогда не изменится! Все хочет делать сама, как ее отец.

С некоторых пор папа очень странно вел себя с мамой. То, что раньше его бесило, теперь вызывало у него смех. Со мной он был совсем другой и часто раздражался, но с мамой никогда. Мне это казалось несправедливым, и однажды я сказал ему об этом.

— Дедушка Оттавиано говорил, что мы не должны позволять женщинам вытирать об себя ноги, иначе они нас затопчут.

— Это зависит от ситуации, — ответил папа. — У мамы сейчас сложный период, поэтому она нервничает. Нужно иметь терпение.

Я честно пытался, но было не так-то легко. Весь октябрь мама нервничала, писала мэру и в газеты — а ей никто не отвечал. Тогда она писала снова и снова.

В школе все знали о предстоящем суде и поддерживали нас. Каждый день учительница спрашивала:

— Ну что, Тонино, есть новости?

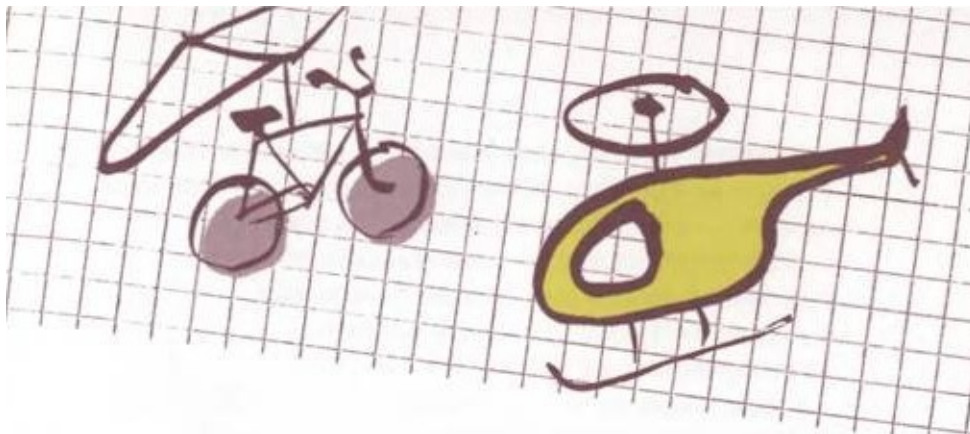
Я отвечал, что нет, и она говорила:

— Это хороший знак, вот увидишь.

Не знаю, где она его находила, но ее уверенность передавалась и мне, и даже немного маме.

Но в конце ноября тот судья, который должен был нас защитить, постановил, что прав мэр и что муниципалитет может забрать дедушкину землю.

Мама не спала всю неделю, папа все время звонил, учительница сожалела, что ошиблась, а я написал в тетрадке, что если бы люди вместо машин использовали, например, вертолеты или летающие велосипеды, отпала бы нужда продлевать дорогу и забирать чужую землю.

В то время мне часто снились кошмары, и я просыпался с криком. Иногда я их помнил и рассказывал маме, иногда нет. И это были самые страшные сны, потому что я не мог их прогнать. Но однажды мне приснился чудесный сон — это было незадолго до решения суда.

Мне снилось, что дедушка качался на самой высокой ветви вишни. Он махал мне рукой и говорил: «Прыгай. Не бойся». Я стоял на земле и смотрел на него.

«Давай, прыгай!»

Тогда я подпрыгнул и почувствовал, что начинаю забираться наверх. Дедушка махал мне рукой, и я все лез и лез. Это было все равно что летать.

Потом я услышал голос бабушки Теодолинды:

«Не съедайте всю вишню, я хочу сделать варенье». А дедушка начал вытаскивать из карманов горсти вишни и кидать их вверх.

«Возьми, — говорил он. — Я дам тебе сколько захочешь».

Я бросался за вишней и кувыркался в воздухе, а дедушка смеялся и повторял: «Бери, бери!»

Дедушкин живот был большой, как воздушный шар, и поэтому он держался в воздухе. Вишни спускались сверху, как на парашютах, и оседали на ветках. «Бери, бери!»

Пока дедушка кидал вишню, его живот сдувался и сам он уменьшался.

«Хватит, дедушка, не надо больше!»

«Не волнуйся, Тонино, бери сколько хочешь!» Вишни продолжали падать, а дедушка становился все меньше и меньше, и в конце концов я уже не мог его разглядеть.

— Дедушка, ты где? — закричал я.

— Я здесь, Тонино, я здесь, с тобой, — ответил мне голос дедушки.

Я резко проснулся и почувствовал, как сильно бьется сердце, но мне не было страшно, и я по-прежнему слышал голос дедушки, который повторял: «Я здесь, Тонино, я здесь, с тобой».

Может быть, чтобы успокоиться, мама решила поехать со мной на Рождество в горы. Папа очень обиделся, и, думаю, бабушка с дедушкой

тоже, ведь это было первое Рождество, которое мы проводили не с ними. Когда папа позвонил, мама сказала:

— Зачем я разводилась, если даже не могу уехать отдыхать, когда мне хочется?

— А мой сын? — спросил папа.

— Вообще-то мы не собираемся убегать. Если хочешь, можешь навестить его.

Но папа ненавидел горы и холод. Он сказал, что лучше поедет куда-нибудь на рыбалку. Мама обиделась:

— Но почему, если минуту назад ты сказал, что Рождество без Тонино...

Папа что-то ответил, и мама бросила трубку.

Когда папа приехал, чтобы забрать меня на выходные, у него было такое же лицо, как у дедушки Оттавиано, когда доктор запретил ему курить сигары из-за бронхита.

«Что у тебя с лицом? Ты похож на побитую собаку!» — говорила ему бабушка. Потом снова смотрела на него и вздыхала: «Ну, выкури одну!».

Она не знала, что дедушка и так курит тайком в курятнике (однажды я обнаружил его там, когда ходил посмотреть на Альфонсининых гусят).

— Дедушка, мама говорит, что курить сигары очень вредно!

— Что значит «вредно» — это лучшее лекарство от бронхита! Но ты никому об этом не говори.

И действительно, дедушка быстро выздоровел, а доктор сказал, это потому, что он бросил курить. Поэтому дедушка продолжал делать лицо «побитой собаки» и украдкой курить в курятнике.

В общем, хотя папа и расстроился, я был ужасно доволен, что мы едем в горы. Раньше я никогда не бывал там зимой, и стал рассказывать папе о своих планах. Папа сказал, что все это прекрасно, и повторил эту фразу раз десять. Даже когда я рассказал ему, что мой одноклассник в прошлом году, катаясь на санках, разбил ногу о дерево...

— Но, папа!

— Ах, да! Что-что?

В общем, он был не в лучшей форме. Но в результате и мама, помоему, не очень-то отдохнула. Она почти все время сидела на солнце, болтая с двумя синьорами. Одна из них, Лилли, все время была в бигудях, а другая, Лалла, — в темных очках, которые напоминали фары мотоцикла. После разговоров с ними мама часто фыркала и говорила, что невозможно все время выслушивать их жалобы. Я дружил с очень симпатичными сыновьями этих синьор, которые на своих мамаш были совершенно не похожи. Мама даже говорила, что, видимо, их случайно перепутали в роддоме.

— Представь себе, какая неприятность, — говорила она, — получить вместо своего ребенка какого-нибудь Лилло или Лалло!

Иногда мама смеялась и шутила, но часто она была молчалива и грустна. Однажды я увидел, что она со слезами на глазах смотрит на елку, которая стояла перед отелем:

— Ты плачешь?

— Нет, это от ветра.

Но никакого ветра не было, светило солнце, оно обжигало лицо и так озаряло снежинки на деревьях, что они напоминали множество зажженных лампочек. Неожиданно мама спросила:

— Помнишь, какое было замечательное Рождество, когда мы были все вместе?

Я ответил, что помню, но не очень хорошо. На самом деле я вспомнил прошлое Рождество у бабушки дома, когда Феличе была наряжена как новогодняя елка.

— Как елка? — спросила синьора Лалла, которая в этот момент подошла к нам. — А Феличе — это кто? Ваша подруга?

— Да, — ответила мама, — это подруга детства. Ей примерно столько же лет, сколько этой елке, правда, Тонино?

— Да, но Феличе гораздо красивее. Это вишня, — объяснил я синьоре Лалле, чтобы было понятнее.

— Вишня? — сказала она недоуменно и тут же побежала к синьоре Лилли, чтобы пересказать ей все.

— Неплохо, теперь они на некоторое время оставят меня в покое! — решила мама.

Действительно, на следующий день синьора Лалла пересела на другой шезлонг и начала разговаривать с другой синьорой, и с мамой осталась только синьора Лилли. Но всего на несколько дней, потому что нам уже было пора возвращаться домой.

Была б моя воля, я бы остался в горах еще на год, так мне там понравилось. Но мама нашла тысячу причин, чтобы мы уехали на пару дней раньше.

Я понял, как ей было скучно и как хотелось домой, когда, приехав к бабушке с дедушкой, она начала говорить всем приятные вещи и даже приласкала Флоппи — это было очень странно. Потом мама начала работать в огороде вместе с Эмилио и что-то сеять на весну. Кроме того, она совсем перестала говорить о решении суда. Так мы и забыли о нем, продолжая заниматься своими делами, как будто ничего и не произошло.

Пока 13 марта не пришла повестка.

В то утро в восемь часов полицейский, которого я каждое утро видел около школы, принес маме для подписи бумагу. Тут же начался спор. Мама говорила: «Мы уже посеяли на будущий год», а полицейский отвечал: «Это закон». Мама говорила: «Это произвол!», а полицейский отвечал: «Я тут ни при чем». И так далее, и так далее. Пока они спорили, приехала машина, из нее вышли двое мужчин и начали доставать колышки и что-то еще.

— Как так, вы что, прямо сейчас начнете? — спросила мама.

— Да, синьора, завтра приедут экскаваторы, — сказал один из них, у которого лицо было как у бобра. Он казался очень довольным.

— Какая гнусность! Я сейчас же иду к мэру!

— Как хотите, синьора, вы сами знаете, что это бесполезно, — сказал полицейский. — Так постановил суд.

Потом он погладил меня по голове и сказал, что может отвезти меня в школу. Мама кивнула головой и стала смотреть, как те двое направились к дедушкиному огороду.

— Какое счастье, что он умер! — услышал я.

Всю дорогу я думал о том, как убить полицейского, отнять у него пистолет и побежать домой, чтобы убить двух других. Сначала того, с лицом бобра.

Но мы приехали в школу, а я так ничего и не придумал. Все утро я спрашивал у моего соседа по парте, который час, пока не прозвенел звонок. Вернувшись домой, я увидел папу. Он следил, как люди втыкают в землю колышки.

— Ты только посмотри, какой кошмар! — воскликнула мама. — Они все затоптали, хуже слонов!

— Они возьмут только четверть земли, — сказал папа, чтобы ее утешить.

— Но когда приедут экскаваторы, они все разрушат!

Мама была права.

На следующий день, когда мы завтракали, приехала машина с теми же двумя людьми, а сразу после них — два почти новых экскаватора, за рулем которых сидели рабочие в оранжевой одежде. Мама притворилась, будто ничего не видит, и продолжала есть, а я, наоборот, выбежал во двор.

— Куда ты?

— Экскаваторы! — закричал я.

Я всегда любил машинки, и уже тогда у меня была куча разных моделей. Но играть — это одно, а видеть своими глазами — совсем другое. В общем, я смотрел на экскаваторы и думал о том, как бы остаться дома, чтобы посмотреть на их работу. Да, я думал именно об этом, когда человек с лицом бобра позвал двоих в оранжевом и сказал:

— Теперь поезжайте туда, срубите дерево и продолжайте копать.

Они имели в виду Феличе.

— Но это вишня дедушки! — возразил я.

А может, я этого и не сказал, только подумал. Я так испугался, что не мог пошевелиться, просто смотрел на экскаваторы, и все тут. Тем временем люди снова завели моторы и начали манипулировать ковшом. Они были в ста метрах от вишни, и я не знал, что делать. Потом экскаватор тронулся, и я... не знаю, что со мной стряслось, как будто я почувствовал толчок сзади.

— Мама! — завопил я изо всех сил и побежал к Феличе.

Я услышал крик: «Эй, что ты делаешь?», а потом как меня зовет мама. Но к тому моменту я уже был на нижних ветвях.

Сейчас я не могу объяснить, как мне удалось так быстро забраться на дерево: может, Феличе сама нагнулась ко мне, или дедушка меня подтолкнул. Но я помню, что все руки у меня были исцарапаны в кровь, — правда, заметил я это уже позже. Тем временем человек с лицом бобра и другие подошли к дереву и хотели снять меня, поэтому я перебрался повыше.

- Пусть спускается, а не то я вызову пожарных.
- Они хотят срубить вишню, — сказал я маме.
- Что? Но мне обещали не трогать дерево!
- Мы не можем начать работу, пока оно тут торчит.
- Тогда уходите отсюда и оставьте нас в покое.
- Слушайте, у меня нет времени. Пусть ребенок спускается, или...

- Или? — прошипела мама. — Срубите дерево вместе с ребенком?

Почему бы и нет?

Человек выругался, развернулся, сел в машину и уехал.

Остались я, мама, два человека из экскаваторов, Альфонсина и Оресте, которые пришли поглазеть на зрелище.

— Тебе не холодно? — спросила мама.

На мне были только майка и трусы, но, к счастью, светило солнце. Я ответил ей, что все в порядке. Так мы подождали некоторое время, пока не вернулся человек с лицом бобра, а вместе с ним полицейская машина и грузовик с пожарными.

Бобер, двое полицейских и двое пожарных подошли к дереву и уставились на меня. Потом один полицейский сказал маме:

— Синьора, вот приказание мэра. Нужно начать работы, и он должен слезть. Иначе его снимут пожарные.

Я увидел, что мама начинает волноваться.

— Тонино, пожалуйста...

— Я не спущусь, потому что они хотят срубить вишню, — повторил я. И чем больше я это повторял, тем больше убеждался в собственной правоте.

Тогда из грузовика вышли пожарные и выдвинули лестницу. Потом один начал подниматься. Я ждал, пока он приблизится, а потом перелез на другую ветку. Пожарные передвигали лестницу, и я перемещался вместе с ней. Я слышал голос бабушки: «Думай, что ты птица, думай, что ты кошка, думай, что дерево — твой друг».

Так я и двигался: то вверх, то вниз. А пожарные вертели своей лестницей во все стороны, но так и не смогли до меня добраться. Наконец я оказался на верхушке.

— Это слишком опасно, — сказали пожарные. — Ребенок может упасть, — и остановились.

Мама смотрела на меня расширенными от страха глазами, но ничего не говорила. Только когда человек с лицом бобра пнул Альфонсину, которая подошла поближе, она закричала:

— Только посмей еще раз ее тронуть!

— Плевать я на нее хотел, — сказал он. Потом сплюнул на землю и пошел говорить с людьми из экскаваторов.

Конечно, если бы на мамином месте была бабушка Теодолинда, она бы мокрого места от него не оставила. Он вел себя как дома: плевался, ругался и постоянно смотрел на часы.

Потом он сказал полицейским:

— Скажите мэру, чтобы сам разруливал эту ситуацию. У меня идет

другая стройка, и я не могу терять время. — И уехал. Тогда полицейские тоже уехали к мэру, но пожарные остались.

— На всякий случай, синьора.

Когда мама услышала эти слова, то десять раз попросила меня не шевелиться и побежала звонить папе.

Папа приехал в полдень. К тому моменту я сидел на дереве уже четыре часа. Мама и пожарные смотрели на меня снизу, и каждую секунду она повторяла:

— Ты замерз, Тонино?

Я отвечал, что нет, но у меня зуб на зуб не попадал. Кроме того, я чувствовал, что устал и проголодался. Мама смотрела на меня и заламывала руки. Неожиданно она сказала:

— Ничего не поделаешь, Тонино. Спускайся, прошу тебя. Это бесполезно, мы посадим другую вишню.

Услышав эти слова, я еще сильнее почувствовал усталость, голод и холод.

— Давай мы снимем тебя, — предложили пожарные.

Я посмотрел на них и понял, что еще больше устал, дико хочу есть и мне страшно холодно.

— Ну?

— Давай, Тонино!

В общем, я расплакался и уже был готов согласиться, когда увидел на самой высокой ветке почку, немного набухшую и розовую. Я вспомнил, как дедушка всю ночь жег под вишней костер, чтобы почки не замерзли, и подхватил из-за этого воспаление легких. Тогда я сказал, что не спущусь, и повторил то же самое папе, когда он приехал.

Папа очень рассердился. Не на меня, а на мэра, муниципалитет, полицейских, на человека с экскаваторами и даже на пожарных, потому что они не натянули под вишней спасательное полотно.

— Если с ребенком что-то случится, я вас всех засужу! — пригрозил он и тоже поехал к мэру. Так остались я, мама, пожарные и Альфонсина с Оресте, которые туда-сюда прогуливались по двору.

Прошло еще некоторое время. Мама все время спрашивала:

— Ну почему они так долго?

Когда наконец приехал папа, пожарные смотрели на часы, а я просил дедушку, чтобы он помог мне не чувствовать голод и холод. За папой подоспели полицейские с мэром. Потом дедушка Луиджи, бабушка Антониэтта и Флоппи. Потом моя учительница с Риккардо и Изабеллой, моими одноклассниками. Потом папа Риккардо с Джованной и Вальтером,

другими моими одноклассниками. Потом один синьор, который оказался журналистом. И, наконец, человек с лицом бобра, но на этот раз без экскаваторов.

Двор был заполнен их машинами, а сами они стояли под вишней. Учительница спросила меня: «Все в порядке, Тонино?» Джованна и Изабелла помахали мне рукой. Риккардо попытался залезть на дерево. Вальтер начал гоняться за Оресте. Бабушка Антониэтта закрыла рот рукой. Дедушка Луиджи спросил: «Ну-с, как там наверху, юноша?» Полицейские начали говорить с пожарными. Папа Риккардо дал оплеуху своему сыну. Неизвестный синьор начал фотографировать. А мэр сказал, что он сожалеет, что смог приехать так поздно, что он узнал от папы историю дерева, что никаких проблем не будет, что дерево не срубят, что это досадное недоразумение и что он не давал распоряжений рубить такое красивое растение и дорогу можно провести как-нибудь еще и что об этом позаботится конструкторское бюро...

— Так что не волнуйся, — сказал он. — Теперь ты слезешь, хорошо? И все мы пойдем обедать. Хорошо?

Я уже собирался согласиться, но вспомнил, как дедушка забрался на дерево с Альфонсиной на руках, а они убедили его слезть, приманив обедом. А на следующий день увезли в больницу. Я им не верил.

Я сказал мэру, что сначала он должен написать на бумаге, что Феличе не сделают ничего плохого. Тогда мэр взял бумагу и написал то, что я ему продиктовал.

— А теперь ты спустишься? — спросил он.

Я ответил, что спущусь, но, когда попытался пошевелиться, почувствовал, что ноги у меня деревянные. Тогда пожарные выдвинули лестницу и сняли меня.

Когда я спустился, мама заплакала, учительница погладила меня по голове, Изабелла подарила мне клубничную жвачку, бабушка и дедушка меня обняли, Риккардо сказал: «Как тебе повезло, что сегодня ты не пошел в школу!», журналист начал задавать вопросы, а я, пока он говорил, заснул у папы на руках и уже ничего не чувствовал.

Проснувшись в своей постели, я увидел, как сквозь ставни скользят лучи света. И услышал на кухне ток-ток-ток, как когда дедушка готовил

гоголь-моголь. Еще наполовину во сне, я позвал:

— Дедушка! Дедушка!

Я был уверен, что сейчас он войдет с чашкой в руках и запоеет: «Пришла весна, вставайте, дети!» Но вошел папа и зажег свет.

— Уже вечер, — сказал он, — ты спал семь часов.

— Я думал, что ты дедушка. Я слышал, как он взбивает яйцо.

Папа сел на кровати и погладил меня.

— Это мама готовит тебе блинчики.

— А свет? — спросил я, показывая на окно.

— Мы зажгли костер под вишней, потому что будут заморозки.

Папа взял меня на руки и подошел к окну.

— Этой ночью я останусь тут и буду следить за костром, чтобы он не погас. Ты рад?

Я ответил, что рад. Потом мы молча смотрели на огонь, а затем нас позвала мама, и мы пошли на кухню.

В тот вечер папа остался. А так как холодно было всю неделю, он вернулся и на следующий день, и на следующий. А потом он больше не уезжал — так и остался навсегда с нами.

С тех пор прошло три года. Много изменилось. Много нет. Теперь мы живем в доме дедушки Оттавиано и бабушки Теодолинды: я, папа, мама, Оресте, Альфонсина и моя сестра Коринна, которой почти два года. Папа привел в порядок дом и сделал себе в нем кабинет, поэтому теперь он чаще бывает с нами и может присматривать за Коринной, когда нет няни. Мама по-прежнему работает в магазине, но только три раза в неделю. Теперь она гораздо реже злится, даже если работает больше, чем раньше, а если что-то идет не так, то она ругает не бабушку, дедушку и Флоппи, а дорожных патрульных, которые по-прежнему постоянно ее штрафуют.

Дедушка Луиджи и бабушка Антониэтта довольно часто нас навещают. Только приехав, дедушка спрашивает меня: «Ну-с, юноша, как дела?», а бабушка говорит Коринне: «Как поживает мой зяблик?» Потом дедушка идет в огород разговаривать с Эмилио, а бабушка начинает играть с Коринной.

Она разрешает Коринне все: дергать себя за волосы, пачкать конфетами, мочить лицо слюнявыми поцелуями. Бабушка без ума от Коринны — так говорит мама.

В ее первый день рождения мы устроили под вишней большой праздник, и папа все сфотографировал.

Так как фотографий было очень много, мама начала новый альбом. На первой странице бабушка Антониэтта держит на руках Коринну, а на второй — я сижу на вишне. Я уже могу забираться на Феличе почти с закрытыми глазами: залезаю на верхушку, смотрю оттуда по сторонам или просто сижу на ветвях. Мои друзья много раз просили меня разрешить им забраться на дерево, но я всегда говорю «нет». Только Коринна полезет туда со мной, да и то когда подрастет. Я научу ее всему тому, чему меня научил дедушка.

Однажды мне приснилось, что мы с ней кувыркаемся на ветках, а вишня вся трясется, будто от хохота. Конечно, это был всего лишь сон, но раз уж деревья умеют дышать, почему бы им и не смеяться?

